

РАЗДЕЛ II

ОСОБЕННОСТИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
АДАПТАЦИИ

ВХОЖДЕНИЕ В РЫНОК: ВОДА НАЙДЕТ СЕБЕ ДОРОГУ

Проблемы «хлеба насущного» и обретения достойного уровня благосостояния, без преувеличения, были и остаются повседневной заботой огромного большинства жителей постсоветских государств, испытавших катастрофическое падение доходов, шок утраты прежних идеалов и столкнувшихся с необходимостью перестроить не только свою психологию, но и поведенческие стратегии. Как и за счет чего живут люди; как они оценивают свою обеспеченность; как, и пытаются ли, что-то изменить? Эти вечно новые для социологии вопросы обретают особое измерение в приложении к русскоязычным бывшим республик, которым пришлось нести двойное бремя — постсоветского экономического хаоса и жизни в национализирующемся государстве, с их, наряду со всем прочим, вполне осязаемыми материальными последствиями. Однако попыток ответить на данные вопросы в рамках чисто научных изысканий российскими учеными предпринималось на удивление мало¹, что, кроме уже привычных «полевых» трудностей, видимо, объясняется стремлением отмежеваться при изучении русскоязычных сообществ от прежнего идейного наследия в виде «экономического максимализма» и «экономического детерминизма»² (собственно, повышенный интерес к «этническому» как элементу «возвышенного», в отличие от грубо материалистических, «земных» объяснений людских мнений и поступков — из этого же ряда).

Другое напрашивающееся объяснение — деликатность, «закрытость» данной темы, как и любых других, связанных с публичным обсуждением «коммерции», бизнеса, размеров кошелька и разнообразных практик их приращения. Возможно, именно по последней причине проблемы экономической адаптации и интеграции русскоязычных ближнего зарубежья, насколько мне известно, западными учеными не изучались вовсе. В итоге на данном сегменте интересующего нас тематического поля политико-публицистический дискурс, на мой взгляд, полностью подчинил себе академический. Представление общественности о сюжете не выходит далеко за рамки циркулирующих в СМИ мифологизированных клише типа: «русского бизнеса в странах СНГ нет»³, а имеющийся власти сознательно изничтожают⁴; русские живут хуже «титальной нации»⁵ или, тем паче, ведут «локальную войну за выживание»⁶; всех русских уволили; все начальники теперь — киргизы (казахи, молдаване...); к престижной работе русским доступ закрыт, и т. п.

Пространство собственно научной полемики в подобной ситуации (если сравнить ее, скажем, с подходом российских/западных ученых к идентичности русскоязычных или к «русским диаспорам») практически отсутствует. Потому в данном разделе я ставлю перед собой достаточно скромную задачу: посеять сомнения, выражаясь языком судебной практики, в жизнеспособности тех упрощенных, «черно-белых» постулатов, которые только что были перечислены, и других, им подобных. Посмотрим на примере собранного в Киргизии эмпирического материала, происходит ли (а если да, то как и среди каких страт русскоязычных) их интеграция в трансформирующиеся под влиянием суверенизации и последующих рыночных реформ социально-экономические структуры новых независимых государств.

Горожане: потери и «просветы»

Механизмы и подоплека «вытеснения»

После провозглашения независимости произошло резкое перераспределение властных и, соответственно, экономических рычагов между двумя главными этносоциальными группами (при том, что процесс подспудно развивался годами, усиливаясь по мере нарастания в союзном государстве центробежных тенденций). Те «русские», что не выбрали для себя вариант миграции, уже не имели главенствующего положения в структурах власти и управления; множество руководящих должностей разного уровня в образовании, здравоохранении, культуре, науке и пр. также перешли к киргизам. Естественно, это ударило по благосостоянию и социальному самочувствию тысяч семей. Но не следует, на мой взгляд, делать объяснительный акцент единственно на этнической окрашенности произошедших перемен и терять чувство исторического контекста. Не будем забывать, что речь идет не просто о переходе власти от одной этносоциальной группы в руки другой в каком-то абстрактном суверенном государстве, а о сломе, во-первых, прежней хозяйственной системы; во-вторых, имперской (при всей условности этого определения) конфигурации социальных и экономических отношений между центром и республиками.

Резкое падение жизненного уровня населения постсоветских государств было спровоцировано, в первую очередь, **шоковой рыночной трансформацией их экономики**. В этом свете трудности рядовых граждан Киргизии, Казахстана, Украины и пр., какой бы ни была их этническая принадлежность, мало чем отличались от тягот выживания российских семей. Однако экономическая ситуация в республике и ее развитие в период независимости имели определенную специфику,

что также больно ударило по всем ее жителям (особенно в первые годы реформ).

Киргизия была одной из наиболее бедных в СССР, чисто дотационной территорией, с экономикой, очень сильно «завязанной» на общесоюзный рынок (особенно через свой индустриальный, сильно милитаризованный сектор) и почти полностью зависимой от внешних поставок энергоносителей (нефти и газа). Распад единого экономического и политического пространства, постепенный отказ Центра от своих финансовых обязательств, в том числе и имеющих социальную направленность, привели к жестокому товарному и бюджетному дефициту, взрывообразному подъему цен в неформальном («базарном») торговом секторе и росту социальной напряженности. В сочетании с благоприятными политическими факторами (высокий мандат доверия пришедшему к власти в октябре 1990 г. Аскарму Акаеву и отсутствие сильной политической оппозиции переменам, как в России), плачевность экономической ситуации побудила новые власти к выбору одной из самых радикальных на постсоветском пространстве программ реформирования планового хозяйства — сценария «шоковой терапии». Его основными составляющими стали либерализация внутренней и внешней торговли (так, почти все цены на потребительские товары были «отпущены» одним ударом); введение национальной валюты (раньше других стран региона), а также довольно быстрое разгосударствление экономики, затронувшее в первую очередь мелкие и средние предприятия в промышленности, строительстве, сфере услуг и торговли, а также колхозно-совхозный сектор⁷.

Подробный анализ хода реформ, всех их кратко- и долгосрочных плюсов и минусов, естественно, не входит здесь в нашу задачу. В ряде материалов на русском и английском языке содержится богатая фактология и статистика⁸. Особо хочу выделить работу датского исследователя Оле Норгаарда (*Ole Nørgaard*), в которой предложена оригинальная компаративистская концепция взаимосвязи становления рыночных механизмов и демократических институтов в странах «новой» Европы и бывших республиках СССР. Привлекая к анализу факторы истории, географии, специфики политических режимов и отношений с мировым сообществом, автор, в частности, приходит к выводу о том, что Киргизия, вместе с Монголией, стали единственными из слаборазвитых стран, добившихся на пути реформирования экономики и общества гораздо большего, чем можно было ожидать с учетом их стартовых позиций⁹.

Реформы, однако, имели высокую социальную цену, что неудивительно при очень неблагоприятной динамике макроэкономических показателей в первой половине 1990-х гг. (сильное сокращение ВВП — к 1995 г. почти на 50% по сравнению с уровнем 1992 г.; взлет

инфляции, низкая собираемость налогов и т. п.). В особо сложном положении оказались группы населения, зависимые от государства: так называемые бюджетники, пенсионеры, многодетные семьи. Зарплаты и пенсии фатально не поспевали за быстрым ростом цен на товары первой необходимости, коммунальные услуги, транспорт и пр., тем более, что задержки с выплатами были обычной практикой. Например, в Бишкеке осенью 1996 г. пенсий в семье из двух стариков (200 и 300 сомов) не хватало для платы за газ, используемый в частных домах и для отопления (около 500 сомов в месяц). Пожилая женщина, жалуясь мне, что «ничего нельзя купить» (май 1993 г.), сказала: «Жизнь сейчас тяжелее, чем после войны».

Не минули испытания реформами и трудоспособных жителей Киргизии. Среди участников опроса 1996 г. оказалось, в частности, немало безработных: 17,2 и 16,5% среди «остающихся» мужчин и женщин; 18,7 и 18,5% среди «желающих уехать»¹⁰. Но показатели для русскоязычных не выходили, судя по имеющимся данным, за пределы фактической безработицы населения страны в целом. Так, Рафиз Абазов ссылается на цифру в 15–20% для середины 1990-х гг., а Джон Андерсон (*John Anderson*) пишет о 13% трудоспособных и не имеющих работы киргизстанцев как официальной и не вполне реалистичной оценке на начало 1996 г., считая более надежной цифру в 20%¹¹.

Судя по опросам 1996 и 1998 г.¹², большинство респондентов столкнулись после распада СССР с необходимостью смены места работы, профессии, рода занятий и/или поиска дополнительных средств существования. Совершенно очевидно, что люди начали «крутиться» в попытках вновь почувствовать какую-то почву под ногами. Более половины опрошенных в 1998 г. (52,5%) отметили, что после 1991 г. меняли работу, многие делали это по два, три и более раз (остались на прежних местах 47,5%, не дали ответа 3,4%). Однако «этнографическое направление», по выражению одного из экспертов, здесь просматривается очень слабо. Рассмотрим, например, профессиональные траектории респондентов-мужчин. Если условно разделить названные в анкетах причины ухода с прежней работы на «добровольные» (здесь на 95% доминируют соображения материальные; говорилось также о стремлении «сделать карьеру», получить более высокую должность, иметь «больше творческих возможностей») и «вынужденные», когда потеря работы (увольнение) были предопределены внешними обстоятельствами, то здесь только нечасто называемое (примерно 9% ответов) «сокращение» можно как-то трактовать с этнополитических позиций, да и то с натяжкой, поскольку сокращения были в переходный период распространенной практикой и в почти полностью русскоязычных коллективах. Другие же «вынужденные» причины со всей очевидностью имели экономическую подоплеку («развал произ-

водства», хронические невыплаты зарплаты, «реорганизация союзного института», «завод стал банкротом», закрытие предприятий), а также, в редких случаях, носили личный характер («несовместимость взглядов с руководством», переезд в Бишкек из России и других городов Киргизии, состояние здоровья).

Таким образом, вряд ли есть основания говорить об «изгнании», «вытеснении» русскоязычных с занимаемых ими рабочих мест (а среди опрошенных были и те, кто относился к «начальству») как о явлении массовом, сознательной тактике властей. Иное дело — высший руководящий состав. Скорее всего, если бы наш опрос был нацелен именно на эту группу русскоязычных, политика национализирующегося государства проявилась бы здесь гораздо более отчетливо. Однако и здесь есть определенные «но» и «если», игнорирование которых мешает формированию более стереоскопичного взгляда на происходившее. Во-первых, многие из тех русскоязычных, кто занимал в республике достаточно высокие посты и должности и, соответственно, обладал разного рода ресурсами, в том числе и в виде «завязок» в России, не преминули в создавшихся условиях неопределенности и социальной смуты воспользоваться ими в миграционных целях. Во-вторых, подобный оборот хотя и не лежал в основе кадровой политики активной фазы «национального возрождения», но подспудно ее подпитывал.

Вот как вспоминала действия своего руководства респондентка — сотрудница в бытность СССР одного из крупных проектных институтов союзного подчинения (интервью состоялось осенью 1998 г.). Ее муж оказался в числе тех, кто потерял свою должность в общем потоке постсоветских кадровых преобразований, но другие посты освободились по иным причинам:

«М. Начались эти события, муж впал в депрессию...

Н. Он впал в депрессию из-за политических... из-за распада СССР?

М. Из-за потери своей высокой должности. Он уже был зам по науке к тому времени, того общесоюзного института. Это когда передавали институт из министерства союзного, советского в киргизское. Потом уехала вся верхушка, которые могли загрузить полные вагоны и увезти их. А мы могли просто с чемоданом уехать фактически. Что мы могли потерять? Собственно, в любой момент можно было уехать. Знаете, как было неприятно смотреть на эти чемоданы, на эти огромные контейнеры, полные всего барахла...

Н. Да, 1993, 1992 годы были очень тяжелые в этом смысле...

М. Что-то было в этом нехорошее... Уезжали и было что с собой взять. Тут нажили и увозили.

Н. То есть у Вас было ощущение, что это такого типа люди, да?

М. Мы решили, что мы уедем, когда действительно будем бежать, с одним чемоданом».

В продолжение данного сюжета. Киргизстанский писатель и журналист Александр Иванов, вспоминая о первых годах независимости, обратил внимание на то, как негативно повлиял на обычных людей, остающихся на «корабле», массовый и скорый отъезд «капитанов»: «Хоть и не густо (по тогдашним представлениям) оказалось среди парламентариев русских [имеется в виду первый парламент независимой Киргизии. — Н. К.], но надежда на них возлагалась крепкая... Только вот беда: пошумят депутаты с трибуны, создадут свой имидж борцов за права ущемленных, а сами на этой волне перебираются в Россию. Не один, не два, а свыше 30 депутатов “сделали ручкой” своим соотечественникам. А сколько руководителей заводов, хозяйств?.. В 1992 году... из системы МВД выехало за пределы республики 800 работников (16 полковников, более 100 подполковников, 205 майоров). Только за один год медицина лишилась тысячи врачей. Среди них профессора, доценты, кандидаты наук. Политехнический институт за год покинуло 116 человек... Известно, с корабля, терпящего бедствие, капитан уходит последним. В русской диаспоре зачастую случалось обратное. Руководители уезжали, как бы увлекая за собой тех, кто считал их своей надеждой и опорой»¹³.

Интересно посмотреть поближе на ситуацию с кадрами в упомянутой только что системе МВД — одном из тех столпов власти, которые, как принято считать, подверглись целенаправленной «этнической чистке» на всех этажах. Однако люди, знакомые с этой структурой не понаслышке, внесли важные коррективы в такое представление. Так, эксперт, ранее занимавший высокий пост в Отделе по борьбе с организованной преступностью МВД республики (хотя ко времени нашего знакомства он был уже на профессиональной пенсии, он все же попросил о конфиденциальности), высказал следующее мнение (7.10.1996): «В министерстве дискриминации по национальному признаку, я считаю, нет. Русские оттуда уезжали из-за того, что профессиональные пенсии в России выше. Некоторые, получив пенсии, вернулись, и я теперь устраиваю их на работу частными охранниками».

Другой респондент, которого я интервьюировала как вернувшегося из России (август 1999 г.), до выезда более десяти лет проработал на руководящей должности в пресс-центре МВД; «пережил», по его словам, пять министров; уехал в Россию «переводом», а затем тем же путем восстановился на прежней работе (уже в середине 1990-х гг.). Я специально задала ему вопрос о том, что происходило в его ведомстве в первые, наиболее сложные постсоветские годы:

«Н. А вот в МВД... Считается, что оттуда русских, русскоязычных сильно вытесняли...»

К. Не совсем.

Н. Прямо пачками.

К. Не совсем. Основную роль сыграла низкая зарплата, я ушел из-за этого. Ну, часть уехала как у нас? Значит, разведчиков послали, Салехард, Малехард, в Сибири, там вообще пустельга, там никого, нормального человека в органах не найдешь... <неразб.> очень много уехало, пачками, гаишники вот из этой серии...

Н. Но это не потому, что их выкинули?

К. Нет. Деньги чтобы были, элементарно. Кто их выкинул? Никто, никогда в том же МВД не говорил... Потом началось... Вот выдвижение когда на руководящую должность, я вот знаю, предлагают, например — давайте Сережу. Слушай, у Сережи, знаешь, такие настроения, чего-то, по-моему, он собрался уезжать. Давай Астамбекова поставим, он чуть поглупей, но он же тут останется, никуда не уедет. Вот. А так... Сейчас из русских, конечно, в милицию мало кто здесь идет...

Н. Здесь осталось мало?

К. Мало.

Н. Потому что они сами поуезжали?

К. Дело в том, что киргизов тоже половина разбежалась оттуда. Кто более...

Н. Низкая зарплата?

К. Естественно. Кто более-менее мог найти работу на гражданке, чтобы она оплачивалась более-менее, все ушли.

Н. А почему считается, что это очень хлебная должность? Из-за взяток?

К. Вот из-за взяток, но если нормальный человек, то он никогда там не останется. Это во-первых.

Н. То есть тот, кто может их брать...

К. Это во-вторых, есть службы, где взятки просто не возьмешь.

Н. А, например, постовые-то могут...

К. Поэтому постовых набрали деревенских пацанов, которые вообще ничего не соображают. А чего постовой — 400 сомов зарплата. Это деньги что ли?»

О взаимосвязи миграционного бума и кадровой политики на верхних этапах государственной должностной иерархии, не отрицая при этом и фактора целенаправленных «перекосов», пишет в той же статье и А. Иванов, цитируя свой спор с одним из коллег, киргизских журналистов. Отвечая на замечание последнего, что среди русскоязычных есть люди, считающие Киргизию своей родиной, и «именно они настоящие граждане республики, наши братья, друзья», он парировал: «Друзья-то друзьями, но отлученность русских от официальной кадровой политики и по сей день весьма заметна... Оправдание тут отыскать проще простого: вон сколько русских из руководящего эшелона

ухало, где уверенность, что и другие, сев в кресло и наладив контакт с Россией, не сделают подобный финт? Конечно, в этом есть определенная логика. И все же такая постановка дела вряд ли укрепляет общество. Люди думают о перспективах своего житья-бытья, о детях. От ощущения неполноценности, второсортности один шаг до чемоданного настроения.

— Ну вот, теперь почувствовали, каково нам было прежде, когда Москва решала за нас кадровые вопросы? — Кадыркан прищурился, блеснув глазами. — Я на своей шкуре это испытал, будучи какое-то время в партаппарате. Он помедлил, словно припоминая, и закончил:

— А по нынешнему моменту я с тобой согласен. Перекос есть. Но, думаю, и это пройдет»¹⁴.

Призывая рассматривать проблему материальных и статусных потерь русскоязычных в более широком контексте постсоветских рыночных трансформаций, я не могу не упомянуть об одной их категории, принявшей на себя особый удар. Это многочисленные коллективы крупных промышленных предприятий, работавших преимущественно на ВПК, а значит, теснейшим образом интегрированных в единую плановую систему, а также больших проектных институтов, нередко головных в своей отрасли и ориентированных на союзный госзаказ. Как известно, на такого рода хозяйственных объектах трудились в основном русскоязычные, и уровень благосостояния их работников был весьма высоким, начиная от зарплат и кончая иными ведомственными благами¹⁵.

Распад СССР и последующие события, безусловно, означали для этой группы особенно резкую потерю статуса и уровня благосостояния, причем почти безвозвратную, поскольку ни Россия, также вступившая на путь рынка и отказа от советских хозяйственных гирь, ни республиканские власти, даже — гипотетически — при большом к тому желании, не в состоянии были поддерживать на плаву данный сектор в неизменном виде. Потребность в его товарах и услугах либо резко сократилась и модифицировалась, либо исчезла совсем. Учитывая все это, трудно согласиться со следующим мнением председателя «Славянского Фонда» Киргизии Валерия Вишневого: «Появился термин — экономическая миграция, а ведь безработица и экономические проблемы — это уже следствие, заводы и фабрики, на которых работали в основном русские, остановились из-за действий этнократического государства» (14.10.96). Правозащитница Наталья Аблова высказала противоположную точку зрения, подняв тему советского военно-промышленного наследия по собственной инициативе (22.09.98):

«Потеря ВПК, который был здесь очень сильный из всей Центральной Азии, рудники, заводы, — это очень хорошо для экологии. Мы никогда не возродимся в прежнем виде. Вот мой муж работал на приборостроительном

заводе, где делали торпеды для подлодок, представляете, в горной республике! Там столько свинца было... Еще патронное производство... и хорошо, что женщины потеряли такую работу, стали челночницами, мир увидели... В начале 1990-х годов Акаев открыто сказал, что этот комплекс мы возрождать не можем и не будем... когда первый транш МВФ получали — было поставлено условие, что возрождать российский ВПК они не будут».

Сами респонденты — выходцы из данной системы (в нашей целевой группе «успешно адаптированных» их было пятеро: двое рабочих и трое специалистов) говорили о переменах в своей профессиональной жизни, кто спокойно, кто более взволнованно, но безо всяких этнических акцентов, и переходили к этому аспекту лишь под влиянием моих вопросов. Особый интерес тут представляет рассказ одного из них, инженера-проектировщика, специалиста в области водоснабжения (интервью состоялось в сентябре 1999 г.). Он долгое время работал в ЦНИИгипросельхозе: «Наш институт подчинялся Москве... один из центральных в СССР по овцеводству и коневодству, с филиалами на юге. Еще был такой в Ставрополе... 650 человек сотрудников... Мы выпускали типовые проекты, которыми пользовалась вся страна». Будучи человеком очень преданным своей профессии, сохранившим, несмотря на все разочарования первых постсоветских лет, уверенность в том, что его труд обязательно будет востребован, мой собеседник тяжело переживал упадок дела своих рук: «По Чуйской долине, я много напроецировал и много построили мы трубопроводов... очень больно видеть, когда человек опять идет с ведром к арыку... ведь за системами водоснабжения надо постоянно ухаживать...». Его повествование получилось потому не только подробным, но и выпукло показало «изнутри», как и почему происходило разрушение прежней системы и к каким последствиям для людей и для дела это привело:

«С. Когда я в 1993 г. перешел из одного института в другой, родственный [уже местного подчинения. — Н. К.], мне было очень тяжело.

Н. А причины переживаний — необходимость расстаться с институтом?

С. Не только с институтом; на глазах исчезала работа. А раз исчезала работа — уходили люди. Когда я пришел в институт — наш отдел был 30–35 человек. Хорошая структура, две хорошие бригады по две группы в каждой. А потом люди начали потихонечку уходить, уходить, уходить...

Н. Они сами начали?

С. А обстановка такая... понимаете, нет работы, нет заказов, потому что нет денег. Если мы в год делали по 20–25 проектов, в отделе, то в последний год, когда я уже уходил — ну, два, три.

Н. Это было какое время?

С. 1992, 1993 годы».

Куда люди стали «уходить»? Важным каналом оттока стала миграция, но не для всех. Вот что сказал мой собеседник о себе:

«С. Выехать было некуда, да я как-то и не особенно... Я до конца был уверен, что моя специальность всегда будет нужна. В общем-то на сегодняшний день так оно и есть. Понемногу работа все равно есть. Но если раньше этой работы хватало на десятерых, то сейчас я ее делаю один» [ко времени нашей встречи респондент уже работал в частном проектно-бюро. — Н. К.].

И о других:

«С. В 1992 г. очень много проектировщиков-мужчин ушло в сторожа, хотите верьте, хотите нет.

Н. То есть это не всё связано с отъездом в Россию?

С. Нет, причина-то отъезда и ухода — то, что нет работы. Заказчик у нас был государство, это сейчас может быть частное лицо... Тогда было государство в лице минсельхоза и колхозы. А когда не стало работы — делали 20 проектов, стало два, зарплаты-то получать не с чего. И люди начали уходить...

Н. И мужчины начали уходить в сторожа?

С. Да, хотите верьте... У меня до сих начальник отдела, он сейчас уже пенсионер, он до сих работает сторожем на ТЭЦ.

Н. Это было как временное решение?

С. Видимо, да, но очень многие стали уходить... Знаете, устраивал график работы. У нас же все-таки тяжелый был график, каждый день, и летом нас раздирали сельхозработы. Постоянно 15–20 человек было на сельхозработах, одни уезжали, другие приезжали.

Н. А женщины куда уходили? Просто дома сидеть?

С. Почему? Вы не были на “Дордое” у нас? [самый крупный вещевого рынок в Бишкеке. — Н. К.]. Вот это и есть».

О новом витке проблем повествует следующий кусочек из интервью. Они связаны уже не с первыми следствиями распада СССР и переподчинения институтов, а с внутренним финансовым кризисом, нехваткой ранее поставлявшихся из Центра товаров и непродуманными местными реорганизациями:

«С. В 1993 г. было много работы, когда начали появляться застройщики, Вы знаете, самозахват?

Н. Да, я знаю всю эту историю.

С. Поскольку люди начали там селиться, худо-бедно государство должно их было как-то обеспечивать, в первую очередь вода и электричество. Поэтому работа была, именно государственные деньги. Была, потому что финансировалась. Потом, уже где-то в 1996 г., денег не стало, и финансироваться стало слабо. То, что напроецировали, не стро-

илось. Не было ни денег, ни материалов, труб. В республике этого не было, привозилось с России, с Казахстана. Напроектировали столько, что строить можно лет 50. Если раньше строители выхватывали чертежи прямо со стола, то сейчас... стало делаться на полку... где-то 1995, 1996 годы, работы практически не стало. Не от того, что она была не нужна. Потом как заказчик исчез минсельхоз... произошел какой-то странный ход, объединили два очень крупных министерства — сельхоз и мелиорации и водного хозяйства. Их соznали в одно, оттуда тоже ушли люди, грамотные специалисты. Но зато было создано новое министерство — МЧС, и проектирование почему-то передали ему. И вот так это дело стало садиться, садиться...».

И, наконец, я задала вопрос о том, какое возможное влияние на занятость и «устроенность» русскоязычных (в рамках советской модели) могла оказать кадровая политика национализирующегося государства. В ответе, по сути дела, очерчен еще один механизм (в добавление к уже описанным выше) перераспределения мест, не укладывающийся в схему сознательного «вытеснения»:

Н. *А национальный аспект, Вы меня понимаете, какую роль во всем этом сыграл?*

С. *Вопрос понял... Знаете, был момент, особенно 92, 93, 94, может, даже 95 год, когда вот это чувствовалось, ущемление... или, может быть... ну, как сказать... понимаете, может быть, привыкли, что и в старые добрые времена... ну, начальник был киргиз, а ступенька ниже, все были русскоязычные, потому что... так надо было...*

Н. *Ну, как первый секретарь...*

С. *Да, да. А потом стали нижние ступеньки, все заполняться киргизами... Может, оттого, что не стало этой работы, высококвалифицированной, вот такой сложной, понимаете? Где нужно было действительно очень сильно соображать...*

Н. *В каком смысле — не стало? Ее стало меньше, Вы имеете в виду?*

С. *Да, ее стало гораздо меньше...».*

Итак, «дело стало садиться, садиться...», у всех по-разному — не стало зарплаты, не стало работы, не стало удовлетворения от нее, и иные вариации на ту же тему. Как адаптировались русскоязычные жители Киргизии к изменившимся условиям?

При взгляде на каждую судьбу отдельно ответ будет опять же: «по-разному», но при социологическом анализе пестрота индивидуально-го складывается уже в знакомую нам картинку водораздела между «желающими остаться» и теми, кто в принципе хотел бы уехать из страны. Если брать экономический аспект, это заметно уже по данным, приведенным нами ранее: повышенная обеспокоенность нацеленных

на отъезд нехваткой денег, поиском работы (глава 2 разд. I, табл. 2), а также возможной ее потерей (глава 5, табл. 1). А теперь посмотрим на табл. 1, 2 данной главы, в которой, по сути, респонденты подводят итоги своим адаптационным усилиям (а также социально-экономической политике властей) за период до наступления российского финансового кризиса. Люди, ориентированные на жизнь в Киргизии, более позитивно оценивали не только динамику своего материального положения в ретроспективе и перспективе, но и экономическую ситуацию в стране в целом, воспринимая ее сквозь призму собственных трудностей и достижений. В этой группе было заметно меньше людей, недовольных имеющейся работой (в 1998 г. — 27,5% в сравнении с 40% среди желающих уехать (довольных, соответственно, 47,3 и 40%)¹⁶. Это важный момент, отражающий не только оценку уровня оплаты труда, но и более широкого спектра показателей (реализация творческого потенциала личности, комфортность общения с профессиональной средой и др.), входящих в систему критериев качества жизни.

С чем связана относительная успешность одних (по субъективным оценкам) и трудности, а оттого и ожидание худшего, других? Альтернативой отживающим свой век или мучительно трансформирующимся государственным структурам стал быстро растущий в ходе энергичных преобразований частный сектор — не только в форме челночной и иных видов торговли, которые начали активно развиваться, давая кусок хлеба, пусть временный, вынужденный, огромному количеству людей, но и в виде «организованного» бизнеса, предъявляющего высокие требования к образованию и квалификации, но зато дающего стабильный заработок и перспективы социального продвижения. В этом состояла светлая сторона реформ в условиях, когда государство фактически устранилось от своих социальных обязанностей. Оно

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Каково, на Ваш взгляд, теперешнее социально-экономическое положение Киргизии?», %, 1998 г.

Варианты ответа	Желающие остаться (N = 187)	Желающие уехать (N = 105)
Хорошее	2,7	1,0
Среднее	47,1	29,5
Плохое	32,6	38,1
Очень плохое	7,5	20,0
Затрудняюсь ответить	10,1	11,4
Всего	100,0	100,0

Таблица 2

Русскоязычные Бишкека: динамика материального положения в постсоветский период (оценки «желающих остаться» и «желающих уехать»), %, 1998 г.

Как изменилось Ваше материальное положение по сравнению с советским временем?

Варианты ответа	Желающие остаться (N =187)	Желающие уехать (N=105)
Улучшилось	18,2	7,6
Стало немного хуже	27,8	31,4
Стало значительно хуже	36,4	46,7
Осталось прежним	11,8	7,6
Затрудняюсь ответить	5,9	6,7
Всего	100,0	100,0

Как изменилось Ваше материальное положение за последние два-три года?

Варианты ответа	Желающие остаться (N =187)	Желающие уехать (N =105)
Улучшилось	22,5	11,4
Стало немного хуже	24,1	21,0
Стало значительно хуже	20,3	29,5
Осталось прежним	29,4	31,4
Затрудняюсь ответить	3,7	6,7
Всего	100,0	100,0

Каков Ваш прогноз на будущее?

В ближайшие годы материальное положение моей семьи:	Желающие остаться (N =187)	Желающие уехать (N =105)
улучшится	17,1	8,7
ухудшится	7,0	26,0
станет совсем плохим	2,1	1,0
останется прежним	32,6	22,1
затрудняюсь ответить	41,2	42,3
Всего	100,0	100,0

мало помогало нуждающимся, но не особо усердствовало в том, чтобы ставить палки в колеса тем, кто мог и хотел сам о себе позаботиться. Как показывают мои исследования, **именно частный сектор и образовал те ниши, куда могла устремиться «вода», т. е. энергия адаптации русскоязычных** в условиях, когда многие прежние (и часть новых) путей оказались перекрытыми. Поскольку этот сюжет затрагивает не только практики выживания, но и социального продвижения (восходящей мобильности), мы подробнее остановимся на нем в следующей главе «экономического» раздела.

Кому в Киргизии жить хорошо?

А сейчас обратимся к теме, вызывающей большой интерес в дискуссиях о положении «соотечественников» в ближнем зарубежье: кто же больше пострадал от социально-экономических пертурбаций постсоветских лет — они или «титульные»? Явные различия в восприятии русскоязычными постсоветских социально-экономических трансформаций и эффективности своих приспособительных усилий (что проявляется, как мы увидим далее, и в других формах) вплотную подводят нас к проблеме неоднородности киргизстанского общества в целом. Поэтому, если уж проводить сравнение в «этнической плоскости», надо сделать важное уточнение: **какие** киргизы и **какие** русские имеются в виду.

К сожалению, проводившийся в Киргизии в 1990-е гг. с помощью международных организаций мониторинг бедности не предусматривал разбивку собираемых данных по национальностям (по крайней мере, материалы, регулярно публикуемые Госкомстатом республики, такой разбивки не содержат). Не является секретом, что узкая правящая верхушка (в первую очередь чиновники высшего звена), ставшая за годы суверенизации в своей массе киргизской, образовала одну из наиболее обеспеченных страт, оттеснив в средне- и низкообеспеченные группы не только многих «русских» (и заодно узбеков), но и подавляющее большинство самих киргизов. Как показывают результаты мониторинга, основные границы между относительным благополучием и вопиющей бедностью проходят в Киргизии: а) по территориям (индустриально развитая столичная область, а также примыкающая к ней Иссык-Кульская, в экономическом и торговом отношении ориентированные на Россию и Казахстан); б) между городом и селом.

Если в целом по республике ниже черты бедности, которая составляла в 1999 г. 4309 сомов на человека в год, оказалось 55% населения, то в Нарынской области — 79,3%; в Таласской — 77,6; Ошской — 74,8; Джалал-Абадской — 66,0; Баткенской — 60,8 и в Иссык-Кульской —

55,4%. Самый низкий уровень бедности отмечен в Чуйской долине: на территории области — 26,2%, в Бишкеке — 21,4%. Уровень бедности в сельской местности значительно выше, чем в городской. Среди городского населения бедные составляли от 9 до 23%, а среди сельского — 77–91%. Особенно велика эта разница для очень бедных. В Джалал-Абадской области доля таких жителей (с годовым доходом ниже 2595 сомов на человека) зашкалила за 96%¹⁷.

Средний ежемесячный доход домохозяйств в столице почти в два раза превышал общереспубликанский, достигнув в 1998 г. 5187 сомов (для сравнения: в Чуйской области — 3727; Иссык-Кульской — 3300; Нарынской — 2162; Ошской — 1878 и Джалал-Абадской (равно как и Таласской) — 1775 сомов¹⁸). Отсюда и рост сельской безработицы, ставшей одной из причин активизации в постсоветский период движения в города неприкаянной молодежи — явления, породившего множество проблем в более благополучных регионах, в основном, в Бишкеке.

Давая характеристику экономической ситуации конца 1990-х гг., Владислав Потоцкий, основываясь на результатах своих «замеров», обратил особое внимание на отчаянное положение в селах и его следствия (23.09.98):

«В. П. Если говорить о пределе терпения, то предел терпения он уже, скажем так, иссякает. Вот мы проводили исследования по миграции, внутренней миграции, и почему этот процесс заинтересовал, скажем, государственные органы и международные организации, потому что у нас диспропорции пошли очень большие, очевидно, как в нормальной стране развивающейся, — Бишкек, например, такой магнит, который притягивает всех людей, что население его официально 608 тыс. человек, а фактически население больше миллиона человек.

Н. К. Это “миграционное кольцо”?

В. П. Не только, но и внутри самого Бишкека, там их очень трудно выследить...

Н. К. Это выходцы из сельской местности?

В. П. Да. Тоже самое и с городом Ошом происходит. Только немножко меньше, там меньше наплыв — 350 и 550 тысяч. Вот такая разница. Сейчас, судя по результатам, которые мы получаем, они однозначные — в селах и в малых городах нет работы, нет перспектив никаких.

Н. К. Ни для кого?

В. П. Это не зависит от национальности, абсолютно. Больше того, киргизы больше страдают, поскольку они больше в сельской местности живут. И этот исход из села — это практически стихийное открытие клапана, который увеличит этот резерв терпения, потому что, если в селах уже совсем невозможно жить, то здесь еще что-то можно найти. Вообще-то говоря, вот эти люди, которые мигрируют сюда, в город, они

делают государственное дело — они снимают вот это самое напряженное социальное, которое могло бы быть».

Мониторинг выявил и другие индикаторы бедности — ее прямую зависимость от размера домохозяйства (численности в нем иждивенцев, в первую очередь, детей) и от уровня образования его трудоспособных членов.

Именно по таким, неэтническим линиям социального размежевания проводит свой анализ наиболее проблемных точек экономической ситуации в Киргизии Дж. Андерсон¹⁹. Обратил он внимание и на ухудшение качества жизни: тенденцию к более частому посещению людьми «святых мест» (что связывалось, в том числе, и с упадком системы здравоохранения); рост числа детей, хронически голодающих, а также не посещающих школы из-за труднодоступности мест их проживания при нехватке транспорта и по причине отсутствия зимней одежды. В сельской местности эти проблемы ощущались наиболее остро, в первую очередь, в Нарынской области, где уровень рождаемости в два раза превышал показатель для столицы и двух более северных регионов, и в Ошской и Джалал-Абадской (разница в рождаемости на 50%)²⁰. В этом контексте, замечу в скобках, «накат» весной 2005 г. мощной волны «низового» социального недовольства именно с юга, в лице его сельских жителей, выглядит совершенно закономерным.

Получается, как это ни парадоксально на первый взгляд, что мы **приходим-таки к этнически очерченным ареалам бедности, но с точностью до наоборот — основную массу русскоязычных эти ареалы не затрагивают**, поскольку огромное их большинство (свыше 70%, а к концу 1990-х г. — свыше 80%)²¹ являлись горожанами, проживающими в Бишкеке и Чуйской области; потому что их уровень образования традиционно был и продолжает оставаться высоким, а детность — столь же традиционно значительно (и все более) низкой, чем у киргизов и узбеков. Правда, если исходить из объективных статистических критериев, из общей массы русскоязычных выделяется особо уязвимая группа, полностью зависящая от государственной поддержки — одинокие пенсионеры.

Субъективное же восприятие русскоязычными своего достатка, скорее всего, будет отличаться от сухой статистики. Преуспеяние соседей и коллег; прошлый, «советский» уровень благосостояния; миграционные намерения; самооценка и профессиональная состоятельность; привычные стандарты потребления и многие другие факторы могут деформировать «воображаемую» картину социального расслоения, но не менять ее принципиально. У русскоязычных, судя по моему общению с респондентами и экспертами, бедность обычно ассоциировалась именно с киргизским населением, но, естественно, не с руково-

дыщей верхушкой. Напомню в этой связи о размышлениях экспертов по поводу опасности наступления ислама в условиях все большего обнищания на селе (см. главу 5 разд. I); четкое разделение киргизов на «начальство» и бедствующих «простых людей» и осознание общих с ними трудностей (в главе о бытовом национализме, разд. I). Хотя за годы полевой работы я привыкла к рассказам о житейских невзгодах, нижеследующая выдержка из интервью с инженером из Бишкека (осень 1999 г.) произвела на меня особое впечатление:

«В. Ведь в общем-то есть у нас еще районы, где и денег-то еще толком не видели. Это же действительно есть... вот маленький пример, как раз сегодня по теме... В 1996 г. у меня был объект в Ляйлякском районе, это Баткенская область. Прилетели в Баткен, ночью, как раз было ответственное лицо от МЧС, это заказчик... нас встретили, и вечером нас на машине повезли в село. А день мы провели в Баткене. И вот там нас повезли на празднование, ну, когда козла таскают, туда, сюда, на лошадях... Я к чему веду. Когда эти празднования закончились, начали вручать призы. И вот когда мы с этим ответственным товарищем из МЧС стояли, он пенсионного возраста был, и я когда на него посмотрел, у него даже слезы на глазах стояли, когда начали вручать призы, и вот приз за первое место — пять сомов. Пять сомов. И вот надо было видеть этих людей...

Н. Боже мой, я здесь была в 1996 году, я могу себе представить...

В. Конечно, и надо было видеть этих людей, радость на их лицах, понимаете [пауза, молчание]. Я это видел своими глазами... На сегодняшний день существуют отдаленные районы, где в общем-то наших родных национальных денег толком-то и не видели... Их, наверное, не хватает на всех... Какой-то натуральный обмен, и люди живут, будем говорить так, с огорода. Что есть...».

Могу добавить в качестве комментария лишь то, что в 1996 г. указанная сумма равнялась стоимости двух-трех билетов на общественный транспорт в Бишкеке.

Очерк иссык-кульской сельской экономики

Сказанное в предыдущей части главы касается процессов, затронувших в период экономических преобразований либо всех жителей независимой Киргизии, либо, прицельно, русскоязычных, «укорененных» в городской среде и связанных с современным производством. Однако «европейское» население изначально формировалось здесь и как сельское: территории нынешней Чуйской и Иссык-Кульской областей приняли до революции 1917 г. по меньшей мере три значительные волны крестьянской колонизации (последняя — периода столыпин-

ских переселений); активное пополнение этой группы русскоязычных происходило и в советский период. Их приспособление к новым реалиям после распада СССР отличалось определенной спецификой, которую мы попытаемся раскрыть в данном небольшом очерке. В нем сведены результаты наблюдений за жизнью и хозяйственными практиками одной из русских семей с. Григорьевки, предоставившей мне стол и кров во время экспедиций на Иссык-Куль осенью 1994 и 1998 г., а также сведения, почерпнутые из бесед с членами этой семьи, их родственниками и из интервью с директором местной школы Маликом Кадракуновым, секретарем сельсовета, работником управы и несколькими жителями села — возвратными мигрантами.

Пришельцы с севера, начавшие осваивать плодородные земли Чуйской долины и предгорий, сумели весьма эффективно воспользоваться всеми возможностями, предоставляемыми природой. Они принесли с собой незнакомые киргизам-кочевникам навыки ремесел, садоводства, огородничества, пчеловодства. «Хороши у русских сады/ Так густы, что встают стеной/ Огороды у них разрослись/ В удивленья придет киргиз!» — писал живший до революции киргизский поэт-акын Молдо Кылыч Шамырканов²². Соответственно, высоким был и уровень их благосостояния:

«К 1916 г. русские ребята здесь жили очень хорошо, переселенцы... Хлебом снабжали весь Ташкент, весь Туркестан; семиречи гнали по всей округе свои обозы с хлебом, пшеницей; хлеба было достаточно, меда было очень много — они пасеки здесь такие основали... молодцы, прекрасно работали ребята; у каждого был дом, двор хороший, скот, кони, сады. Киргизы бедные только смотрели — как же... не умеют выращивать на своих огородах... в лучшем случае кукурузу. Самые лучшие клевер косили на своих огородах, несколько укосов сделают для скота. А дунгане приехали — боже мой, даже рис выращивали здесь. То есть переселенцы — узбеки на юге, русские и дунгане на севере — жили очень состоятельно» (из интервью с историком Владимиром Мокрыниным, 30.08.99).

В последующий период апофеоза коллективного производства и всяческих гонений на экономическую инициативу (в частности, на личные подсобные хозяйства), и накопленные навыки, и сами сады с пасеками служили скорее всего лишь целям скромного семейного потребления. Ситуация начала меняться в ходе всех дальнейших «ослаблений» и тем более, когда задули ветры перестройки. Рассматриваемые территории даже в рамках единого СССР обладали определенными преимуществами, например, по сравнению с плохо освоенными и тяжелыми в климатическом отношении районами Сибири. Это хорошо видно, например, из рассказа респондентки, которую родители привезли в Григорьевку подростком в 1970 г. с Алтая, где «многие поселки уже тогда закрывали, они разрушались, и все куда-то потом

Фото 1. Русская пасека. Ист.: Туркестан. География и история края.
Составил М. В. Лавров. М., 1916. С. 67.

уезжали...» (интервью состоялось в сентябре 1998 г.). Здесь же содержится и наблюдение, хоть и несколько наивно выраженное, касающееся особой умелости, «предприимчивости» местных русских:

«О. Как Вам сказать, многому научились здесь, в доброе время, когда еще были хорошие времена. и работа, и все же было. Хорошему много научились... Я не скажу о России или чего, но на Алтае у нас как-то люди были туповатенькие, так сказать вот. Нету той... вот что мы здесь... чему-то научились и взяли от людей. Нам очень понравилось здесь, мы прямо домик другой купили, у нас сад очень хороший, копейка как-то пошла, уже оборот... Например, если свой урожай снимали с сада, то уже мы плюс подкупали и везли куда-то груши, смородинку, яблоки.

Н. А машина у вас была?

О. Машина у нас только была — как инвалиду войны отцу давали, “Запорожец”.

Н. И что, на ней?

О. Нет, не на ней, у нас специальные большие машины, как поливальные их называют...

Н. Это было еще до...

О. Конечно, конечно, до распада это все было.

Н. Эти машины нанимали?

О. Да, например, договариваешься, до какого города, сколько семей на машину грузовую, рефрижератор. Усть-Каменогорск, например, или

до Барнаула, за ящик столько-то отдаешь, половину суммы отдаешь, а вторую уже по приезду.

Н. А торговали сами?

О. Сами, сами, на рынке торговали сами.

Н. Но Вы работали где-то официально?

О. Конечно, я в кондитерской работала, постоянно в пищеблоке... Я училище кончала, пищевое...

Н. Это здесь в кондитерской?

О. Да, здесь у нас столовая работала, и кондитерская... Сейчас уже лет шесть как у нас все прекратилось, все разрушили, работы нету».

Распад же государственно-колхозной системы превратил земледельческий опыт русских и оставшуюся у них в руках материальную базу в виде участков с садами и огородами в ключевой ресурс выживания, а для некоторых — даже материального преуспевания. Рядовые сельские киргизы, да еще обремененные обычно большими семьями, оказались в этом отношении гораздо хуже подготовленными к новой суровой реальности. Различия между видом приусадебных участков киргизов и русских сразу бросились мне в глаза при первом проезде по иссык-кульской трассе в 1992 г., а потом, при более подробном изучении, эти впечатления еще больше закрепились (см. фото 2, 3).

Фото 2. Типичный киргизский дом в с. Григорьевка, Иссык-Кульская обл., 1994 г.

Фото 3. Известный в селе дом «с петушками», с. Григорьевка, 1994 г.

Вот как прокомментировал ситуацию начала 1990-х гг. житель с. Корумду, врач Василий Рогов (сентябрь 1994 г.):

«В. *Вот сейчас помочь, помочь надо киргизскому народу именно осесть по-настоящему на землю.*

Н. *Вы считаете, они еще не осели по-настоящему?*

В. *Они осели, а ведь землю... надо знание, знаний этих у них нету. Есть отрывочные, ведь это поливная земля, здесь если не поливать, выгорит, солнце в горах все выжжет. Надо знать агротехнику. Вот есть киргизские усадьбы — у них тоже все растет. Они быстро переняли у русских, а большинство не хотят. Не хотят. Это желание нужно... И вот самое трудное сейчас во взаимоотношениях — что киргизы и в городе, и в селе очень бедно живут. Вот это расслоение, сейчас оно выявилось до конца, привело к тому, что 90% бедных и 3% богатых...*

Н. *У киргизов?*

В. *У киргизов. Я про русских не говорю. Русские, кто не мог прижиться, обеспечить себе нормальную жизнь, те уехали. А остальные быстро приспособились. Ведь возьми, вот мой участок, 20 соток. Все растет, абсолютно все. Это 105 видов живого, это лекарственные травы, овощи, фрукты, ягоды... Все растет. Этого мало. Теплица — цитрусовые. Мало — пасека. Я всем обеспечил себя на маленьком куске земли. Ну, не маленький, 20 соток обработать... Плюс еще птицу держу, козу... Я ни от кого не зависю. И так все наши русские».*

В Григорьевке, где долго численно преобладали «русские», но к осени 1998 г. доля киргизов достигла в результате внутренней и внешней миграции 48% (по данным похозяйственных книг) и которую можно считать типичным смешанным селом Прииссыкулья, «реформы» проходили следующим образом. Колхоз довольно быстро прекратил свое существование. Имевшиеся земельные угодья передали в долгосрочную аренду (на 99 лет) индивидуальным пользователям (фермерам), в 1998 г. их было 52, и так называемым ассоциациям частных крестьянских хозяйств (нечто вроде кооператива), которые выращивают зерновые, картофель, кормовые травы на сено. Технику продали этим же ассоциациям (большую часть) и частным лицам. Те из них, кто трудился в колхозе долгие годы, могли приобрести трактора и другой инвентарь под долевой земельный пай; не имевшие отношения к колхозу платили наличными или скотом. Все жители села получили также земельные паи для ведения приусадебного хозяйства; в основном их используют «под картошку». Минимальный размер пая — 11 соток (для людей, которые никогда не работали в колхозе); максимальный — до 75 соток (для колхозников и членов их семей).

Колхозной фермы, где содержалось 850 голов крупного рогатого скота, из них 450 дойных коров, тоже не стало. Совершенно заброшенное строение, бывшее когда-то фермой, запечатлено на моей пленке 1998 г. (см. фото 4). Проезжая через Григорьевку по иссыкульской трассе в июле 2005 г., я увидела эту постройку в том же самом

Фото 4. То, что осталось от колхозной фермы. Григорьевка, 1998 г.

Фото 5. Вечер в Григорьевке. Стадо расходится по домам. 1998 г.

плачевном состоянии. Скот, включая и овец с кошарами, распродали желающим и, как считали мои собеседники, тут в более выгодном положении оказались люди, имеющие средства и властный ресурс, в то время как рядовые колхозники и сельская интеллигенция почувствовали себя обделенными. Но многие, включая и школьных учителей, приобрели на стороне по одной-две коровы для питания собственной семьи, так что в целом скота стало больше (см. фото 5). В условиях, когда бензин все дорожает, а транспорт жизненно необходим, появились брички, запряженные лошадьми и осликами — относительно новое явление для села (см. фото 6).

В советское время в селе действовали 27 организаций, дававших стабильную (хотя, как водилось тогда, небольшую) зарплату и рабочие места сотням местных жителей. К концу 1990-х гг. возможности продуктивной занятости вне собственно сельского хозяйства резко сократились. В «Сельхозтехнике» (ремонтные мастерские) вместо 200 человек работало около десяти. Хлебозавод, который раньше обслуживал весь район, акционировался, там осталось пять-семь человек. Строительная организация обанкротилась, и т. д. Часть из имевшихся магазинов были приватизированы. В 1998 г. за счет бюджета функционировали лишь небольшая больница, детский сад, почта, школа и сельская управа со штатом в девять человек. Зарплаты «бюджетников» и пенсии, как и всюду в Киргизии, были (и остались до сих пор) чрезвычайно низкими и поступали с задержками в два-три месяца: от 90–100 со-

мов для уборщицы, 300—400 для врача или учителя и 700—800 для электрика в санатории (из расчета, что соотношение доллара и сома составляло осенью 1998 г. примерно 1 : 20).

Мало кто мог рассчитывать и на успешное ведение товарного, механизированного сельского хозяйства с использованием наемной рабочей силы. Таких людей (все они раньше были связаны с данной отраслью), обрабатывающих до 100 га своей и арендованной земли, в селе набралось не больше десятка. Среди них русские, киргизы, немцы, балкарцы. По мнению моих собеседников, обычному сельчанину обрабатывать землю под товарное зерно и картофель невыгодно — техника и инвентарь сильно изношены, кредитов почти нет, топливо постоянно дорожает, а еще надо вносить налоги, арендную плату и пр. — в этом отношении трудности становления местного фермерства мало чем отличаются от российских. Многие предпочитали, оставив себе небольшой участок под картошку, объединиться с остальной землей в кооператив, чтобы, внося небольшую плату за охрану, полив, косыбу и пр., получать сено для домашнего скота.

«Жить садом» — вот что стало в таких условиях **важнейшей адаптационной стратегией русскоязычных**, нередко не только существенно дополняющей, но и сильно превосходящей доходы от работы в бюджетном секторе. Посмотрим поближе с этой точки зрения на жизнь одной из русских семей, которую по своему демографическому составу и ряду иных параметров можно считать достаточно типичной. Она

Фото 6. На улицах Григорьевки, 1998 г.

Фото 7. Типичный русский дом в Григорьевке постройки 1960-х гг., 1998 г.

состояла из семейной пары 30–35 лет (назовем их Зоя и Михаил), одной пенсионерки (мать Михаила) и ребенка младшего школьного возраста. Все жители Киргизии не в первом поколении. Обе женщины с высшим образованием; муж/сын — со средним специальным. Их дом, возникший вместо старого в 1961 г., мало чем отличается от остальных русских домов прежней, т. е. советской постройки (см. фото 7), и стоит на участке размером в 20 соток. Им владел еще дед Михаила, заложивший первый сад, от которого остались лишь старые высоченные груши. В 1970-е гг. почти весь сад выкорчевали и посадили заново, так что ко времени моего последнего визита он еще находился в «полной силе». Зоины родители жили в селе на противоположном, южном берегу Иссык-Куля; они тоже имели хороший сад; держали пасеку, корову, телку, поросят.

Когда мы познакомились в 1993 г., Зоя работала учительницей в соседнем киргизском селе, а Михаил — в пожарной части в бывшем с. Комсомол (поселок городского типа, построенный для сотрудников санаториев). К 1998 г. оба уже уволились по собственному желанию, поскольку зарплата очень низкая (у Зои, например, 300 сомов), а места работы расположены очень далеко. Зое приходилось ходить каждый день по 5 км пешком в одну сторону. Оба считали, что работать

невыгодно, денег мало, а сил уходило много, так что они решили полностью посвятить себя постоянно расширяющемуся личному подсобному хозяйству. В семье сестры Михаила (такого же типа, трехпоколенной) ситуация была аналогичной.

Ресурсы и формы экономической деятельности этого семейного коллектива вкратце можно обрисовать следующим образом.

1) Торговля собственными фруктами и ягодами. В Иссык-кульских садах собирают яблоки, груши, абрикосы, персики, черешню, сливу, клубнику, смородину, малину, обычно растущую по периметру участков. По контрасту с подмосковными шестисоточными дачными «усадьбами», где кусты малины считают на штуки, здесь — на сотни метров. Плодовых деревьев в саду Зои и Михаила около 60-ти; за сезон собирают в среднем одну-полторы тонны груш и столько же (иногда до двух тонн) яблок. Этот сад, первый, который я во всех подробностях смогла разглядеть за время своих поездок: бродила по всем его дорожкам, задирая голову вверх и дивясь плодово-ягодному изобилию и красоте всего созданного природой пахучего, цветущего и зреющего, поразил меня необычайно. Но потом довелось увидеть сады еще более роскошные, я бы даже сказала — величественные, из-за высоты и необычной формы деревьев, сверху донизу усыпанных плодами.

В случае, когда нужно быстро достать деньги, ведро-другое малины или смородины можно отнести и продать киргизам-перекупщикам, постоянно дежурящим на трассе. За путь до Бишкека товар подорожает вдвое (в 1998 г. — с 13–15 сомов за кг до 30 сомов). Большие партии мои хозяева сами возили в Бишкек (в основном малину, груши, яблоки). Главное преимущество здесь — у имеющих собственную машину, пусть даже легковую, причем официально оформленную в ГАИ, «иначе дальше местных сел не уедешь». Зоя рассказала, как летом они быстро насобирали 160 кг малины (для перевозки имеются специальные ванночки), прикупили у соседей еще 30 кг, чтобы оправдать траты на бензин, повезли ночью в Бишкек, приехали к 6 утра и к половине десятого уже все распродали (люди брали по семь-десять кг на варенье). Когда возят фрукты и картошку, для этого требуется несколько дней; тогда живут в Бишкеке у родственников.

С началом сентября в селе появляются так называемые поливальщики — владельцы больших специально оборудованных трейлеров из России и Казахстана, которые закупают оптом фрукты и картошку, тут же расплачиваются и везут товар в Новосибирск, Красноярск, на Алтай, в Алма-Ату и т. д. Оптом забирают урожай и приезжие дунгане, для продажи уже в Киргизии. Свои «поливальщики» есть и в селе; с одной такой семьей я общалась как с возвратными мигрантами. Это супружеская чета раннепенсионного возраста, тоже нигде официально не работавшая (взрослые дети с семьями жили кто в Бишкеке, кто

в России). Формально подобная композиция ничего хорошего с точки зрения выживания не сулит, но данная семья явно не бедствовала, видимо, имея возможность аккумулировать и продуктивно использовать не только явные, но скрытые от моих, да и соседских глаз ресурсы (подробнее о ней рассказано в главе 4 разд. I).

Роскошный сад при купленном по возвращении в Киргизию доме, КАМАЗ и легковой автомобиль — из разряда первых. Этот сад, который хозяева считали несколько запущенным, сразу потребовал финансовых и трудовых вложений (в частности, были привезены три грузовые машины с навозом), но дело того стоило. Деньги за дом, приобретенный в марте (2300 долл.), осенью того же года, после завершения «фруктового сезона», уже успели окупиться.

2) Огород (картошка). К саду примыкал небольшой огород плюс в 2 км от села у моих хозяев имелся один гектар под картошкой (колхозный пай). Тут ключевую роль играла помощь имевших подобный надел родственников с трактором, а также наличие машины для поездок на участок и вывоза урожая. Во время моего пребывания в селе во второй половине сентября в семье очень нервничали — машина сломалась, а время было такое, когда «день год кормит». В прошлый сезон (1997 г.) собрали 12 тонн картошки; около трех тонн пошло в семенной фонд, три тонны (мелкой) — на корм пороссятам, а остальное — на продажу. В зависимости от рыночной конъюнктуры торгуют либо осенью, либо весной; на этот случай в доме имеется большой подвал. Осенью 1998 г. картошка шла по 2 сома за кг. Для личных нужд ее собирают с «ближнего» огорода (примерно полтонны).

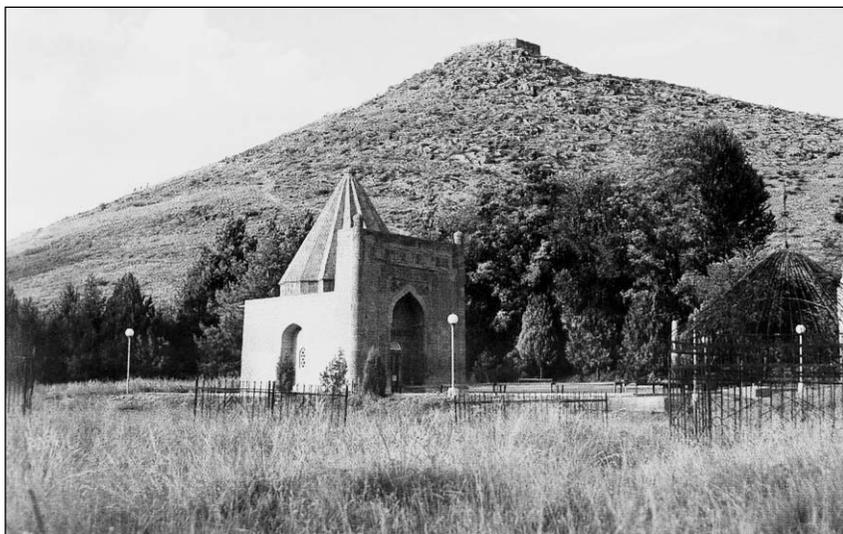
3) «Живность» — 30 кур, десять уток, 27 цыплят, десять утят и шесть кроликов. Мясо и яйца используются в основном в питании семьи, но яйца иногда и продают. Имелось также шесть пороссят, которых планировалось откармливать до весны (частично для себя, частично — на рынок). Принадлежавшая семье телочка содержалась у родителей Зои, в другом селе.

4) Торговые операции. Кроме уже перечисленных sporadических, семья практикует и регулярные, покупая с конца сентября место на рынке (в Григорьевке он работает в полную силу только по воскресеньям). При поездках в Бишкек оптом приобретаются моющие и гигиенические средства, косметика и т. п., которыми Зоя вместе с сестрой мужа потом торгуют, имея специальную лицензию для этой номенклатуры товаров. Продают также и мед с собственных пасек.

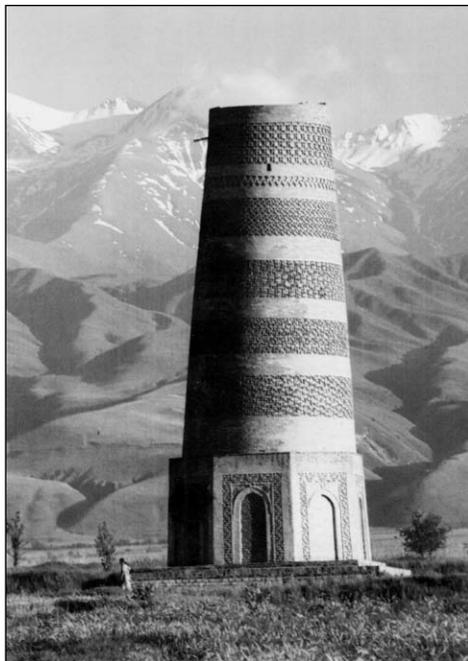
Мои хозяева ни разу не обмолвились о том, что им кто-то мешает торговать, чинит какие-то препятствия (например, киргизы — на индивидуальном уровне или же власти) или о сильной рыночной конкуренции. Не говорили об этом и другие люди, с которыми довелось пообщаться (кроме одной женщины — об этом чуть ниже).

Горные пейзажи — туристическое «лицо» Киргизии. Юрта в горах.
Открытка Альпийского Фонда. Фото: Vitaliy Podstrechny, 2003 г.

Мавзолей Манаса, 1999 г. Открытка фирмы «Раритет»

Страна может привлечь путешественников не только красотой природы, но и историческими памятниками. Башня Бурана, минарет XI в. Открытка Альпийского Фонда. Фото: Vitaliy Podstrechny, 2003 г.

Свое материальное положение Зоя оценила как скромное, но стабильное с тенденцией к улучшению, при условии отсутствия форс-мажорных обстоятельств, подобных серьезной поломке машины. В последний раз ремонт обошелся в 500 долл. — немалая сумма для этой семьи; по словам Зои, на эти деньги они могли бы спокойно жить десять месяцев (т. е. на 50 долл. в мес. = 1 тыс. сомов). Основные расходы, требующие реальных денег — плата за электричество (500 сомов/мес.), которым дом и отапливается, поэтому можно экономить на дорогом угле; корм для животных, в основном, для птицы; одежда (эпизодически) и некоторые продукты питания (мука, крупы, растительное масло, сладости, чай, кофе и пр.). «Лучше жить так, — заключила Зоя, — нужны деньги, подзаянли, съездили в Бишкек, что-то продали, вот и живые деньги, чем сидеть и ждать нищенской зарплаты, которую задерживают, и при этом каждый день мотаться на работу в даль такую...». Доход в 1,5–2 тыс. сомов в мес. (75–100 долл.) считает для себя оптимальным, при условии, что хозяйство функционирует нормально.

Главные опоры, ключевые звенья всей описанной деятельности — наличие машины (ее выход из строя сразу срывает все хозяйственные планы) и дееспособной рабочей силы, особенно мужской (сбор ягод и плодов является весьма трудоемким занятием, а мужские рабочие руки необходимы при уборке картофеля, погрузке-выгрузке больших объемов продукции и для ухода за машиной). Очень желательно наличие родственников, причем именно в селе (в таких случаях семьи объединяют усилия и ресурсы).

Семьи другого типа из наблюдаемых мной находились в положении хотя и довольно устойчивом, но на более низком уровне доходов. Например, речь идет о разведенной женщине 40 с лишним лет с пожилыми родителями-пенсионерами и ребенком среднего школьного возраста. При отсутствии работы в селе основные регулярные поступления денежных средств — пенсия стариков, в сумме довольно приличная (1 тыс. сомов), поскольку отец у этой респондентки был инвалидом войны (для сравнения — пенсия матери Михаила составляла всего 260 сомов). Сад тоже давал немало, но с поправкой на изначальные ограничители: некому возить (поскольку нет машины, респондентка пользовалась местным автобусом и ездила на рынки не в Бишкек, а в ближайшие курортные города и поселки); трудно собирать урожай. Объемы собранного потому были меньше, чем у Зои и Михаила; меньше здесь было и «живности» (куры, цыплята и один поросенок). Свой безработный статус женщина объясняла, подобно предыдущей семье, не только нищенской зарплатой, но и, кивая на сад: «А вот это всё кто будет убирать?» На вопрос, почему она не занимается торговлей «профессионально», респондентка сослалась на дороговизну лицензий и необходимость платить за место, а потом заметила:

«С. Но бóльшую часть, конечно, торгуют киргизы. Это редко-редко кто русские. Такое крупное что торгуют...»

Н. *А почему, как Вы считаете?*

С. *Ну, я не знаю... так у меня мнение сложилось, наверное, им проще. Очень мало русских; вот в воскресенье, Света тряпками торгует, семеновские магазин здесь откупили, торгуют; раз, два, три, четыре; Таня — пять; в будние дни даже приди на базар, одна Марина торгует, овощами, чаем, сигаретами. Так что не знаю, у меня такое впечатление, что к ним не будут лишней раз придираться, как к нам, к русским, они вот торгуют спокойно. Они, может, умеют заглаживать, где-то как-то... мало ли, какие-то стычки, еще чего-то...».*

Предположение о том, что к «русским больше придираются», а потому их на рынке визуально меньше, впрочем, осталось предположением, поскольку собственного опыта регулярной рыночной торговли, с «местом» и лицензией, у респондентки не было. То обстоятельство,

что подобное мнение озвучила лишь она одна, может быть связано, на мой взгляд, с ее некоторой дистанцированностью от киргизов в сфере повседневного общения (хотя, как возвратная мигрантка, она стремилась осесть опять именно в Григорьевке), а также, в силу невысокого уровня образования, с опаской, которую вызывала у нее торговля как новая сфера деятельности. Недаром во время беседы она несколько раз со вздохом замечала: «Теперь ведь все частное!». Тут хочу привести отрывок из другого интервью (об этой семье речь пойдет ниже):

«Н. А здесь не пробовали? [торговать. — Н. К.]

Е. А здесь я как-то одно время пробовала, но сейчас люди в основном продукты покупают. Не я одна безденежная у нас. То зарплаты нет, то еще что-нибудь; туфли купить на год, платье — на два, на три года. А продукты питания — сейчас не с чего начинать. Капитала нет, чтобы где-то поехать, что-то закупить... Опять же налоги, лицензии, за все нужно платить».

Отказ от выбора торговли как ключевой стратегии респондентка объясняет, как мы видим, экономическими причинами, добавив к уже известным нам важный аргумент — низкую платежеспособность окружающего населения. Судя по всему, небольшая доля «русских» среди «профессионально» торгующих на иссык-кульских рынках, обслуживающих локальные, т. е. достаточно узкие деревенские сообщества, связана, кроме уже перечисленных моментов (актуальных и для киргизов), с наличием у русских, в отличие от последних, более продуктивной садово-огородной альтернативы. При этом торговля может рассматриваться, как в семье Зои и Михаила, в виде дополнительного источника доходов.

Наконец, третий из выявленных мной тип семьи (и, соответственно, стратегии выживания) обращает наше внимание на фактор, очень важный для отлаженности всего механизма — привычку к сельскому труду, и на другой, способный ее подорвать — траты на образование детей. Семья, которую я имею в виду, состояла из супругов среднего возраста и двух детей «на выданье», т. е. входящих в студенческий возраст. Здесь была и мужская рабочая сила (отец и сын-подросток), и легковая машина, и доставшийся моей респондентке от матери дом с хорошим садом. Не хуже, чем у многих. Однако имущество находилось в довольно запущенном состоянии, поскольку пожилая женщина жила одна и долго болела (в тот период дочь с семьей уехала в Россию и вернулась из-за болезни матери). Кроме того, до переселения респондентка всю жизнь провела в поселке при санатории, в городской квартире, имела городскую специальность и ей очень трудно было обрести нужную сноровку:

Новый корпус санатория «Киргизское взморье». Фото С. Абашина, 2005 г.

Велорикши всегда готовы «с ветерком» доставить до берега озера всех желающих.
Санаторий «Киргизское взморье». Фото С. Абашина, 2005 г.

Пляж санатория «Киргизское взморье». Фото С. Абашина, 2005 г.

«...никогда в жизни не думала, что я буду держать корову, боялась к ней подойти. Но оттого, что мне надо выжить, я пережила, переборолa весь страх и взяла корову. Потом поднакопили денег и решили взять еще одну корову, иначе не выживешь. Теперь у меня на то надежда, что вторая корова отелится и я смогу продать молоко, масло, сметану, и на это мы жить будем».

Главная же трудность этой семьи — необходимость помогать дочери, уехавшей в Бишкек получать высшее образование. Исконно деревенские жители, не имевшие подобных притязаний, оставляли выросших детей при себе или посылали в местные техникумы и ПТУ, что давало новые рабочие руки и, соответственно, дополнительную экономическую устойчивость семейному кораблю, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.

К сожалению, в Григорьевке, расположенной довольно далеко от озера (в восьми км) и от традиционно отдаваемых под отдых частей побережья, не было возможностей наблюдать, как русские, наряду с киргизами, реализуют другую важнейшую для этих сельских территорий стратегию экономической адаптации — **обслуживание курортников**.

В послевоенный период северное побережье Иссык-Куля обрело, кроме земледельческой, еще одну специализацию. Оно стало курортной зоной с хорошо (по тогдашним меркам) развитой системой комму-

никаций — регулярное автобусное сообщение с областным, районным центром и Бишкеком; наличие во многих сельских домах телефонов и телевизоров; неплохая телефонная связь с Москвой и т. п. Благодаря прекрасной экологии, благоприятным для лечения и отдыха природно-климатическим факторам и радующей глаз и душу необычайной красоте пейзажей зона вокруг озера Иссык-Куль, которое П. Семенов-Тянь-Шанский называл «драгоценным аквамаринном в оправе горных снегов», не знает себе равных.

В советское время цивилизованный отдых здесь могли позволить себе лишь избранные, поскольку почти вся собственно курортная инфраструктура сводилась к нескольким санаториям для высшей партийной номенклатуры. Остальные довольствовались «диким отдыхом». После получения независимости ситуация начала медленно меняться, хотя слишком медленно для страны, руководство и ответственность которой постоянно заявляли о намерениях сделать Киргизию туристическим раем (для чего здесь есть все условия). Но даже без мощных и целенаправленных усилий государства и большого бизнеса побережье год от года все более преобразуется за счет рыночной инициативы «снизу»: с помощью маршрутных такси улучшилось транспортное сообщение с Бишкеком и прилегающими районами Казахстана, граждане которого пока являются основными «кормильцами» местных жителей в курортный сезон; всюду сдаются комнаты, появилось немало небольших частных пансионатов; плодятся точки общепита, магазинчики и рынки; очень распространена торговля «на вынос», в частности, на пляжах; кроме просто купания и лежания на песке, отдыхающим предлагается множество иных способов проведения досуга: от пикников, рыбалки и конных прогулок в ущельях до катания на водных велосипедах и аквапланах.

Во время последней поездки в Киргизию летом 2005 г. меня поразила следующий факт: пассажирами международного рейса «Аэрофлота» по маршруту Москва-Бишкек на 80% оказались иностранцы, причем по виду явно не бизнесмены, а крепкие загорелые молодые люди с огромными рюкзаками (некоторые в футболках с надписями на разных языках: «Горы Азии»). Впечатление подтвердилось и на обратном пути, когда почти весь поток прилетевших в Москву пассажиров устремился в зал для транзитных перевозок. Видимо, после «революционных» событий 2005 г., когда Киргизия как бы заново открылась миру, на эту новую информацию, хочется надеяться, не только тревожно-негативного свойства, отреагировали наряду с политиками и учеными и множество обычных людей, пожелавших узнать страну поближе. И в этом залог будущих позитивных сдвигов в жизни населения побережья Иссык-Куля киргизстанцев — и русскоязычных, и киргизов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ И только с помощью количественных (анкетных) методов. Для перечисления соответствующих публикаций, весьма небольших по объему (обычно это главы в монографиях), мне хватит пальцев одной руки, к тому же они вышли очень маленькими тиражами (200, 300 экз.). См. экономические разделы в: *Остапенко Л. В., Субботина И. А.* Русские в Молдавии: миграция или адаптация? Отв. ред. М. Н. Губогло. М., 1998. С. 99–191; *Субботина И. А.* Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья: Молдавия. М., 1998. С. 114–162, а также сборник «Неэстонцы на рынке труда в новой Эстонии (М., 2001, 125 с.)
- ² См., напр., эмоциональный пассаж на эту тему Надежды Лебедевой (*Лебедева Н. М.* Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. Изд. второе. М., 1997. С. 48.
- ³ Иногда такие заявления делаются от лица якобы несуществующих «русских предпринимателей» (см., напр.: *Айрапетова Н.* Россия должна нести ответственность за своих соотечественников // Независимая газета. М., 2000, 31 мая).
- ⁴ См., напр.: *Куртов А.* Холодный климат в Центральной Азии // Независимая газета. 2002, 26 июня. Кстати, в этой же статье, написанной в середине 2002 г., положение «соотечественников» все еще характеризуется с помощью уже хорошо известного нам стандартного панического тезиса о «многомиллионных потоках мигрантов», которые «самим фактом своего существования...» доказывают нечто важное для автора.
- ⁵ *Полоскова Т.* Диалог будет трудным // Независимая газета. 2001, 10 октября. См. также упомянутый в главе 2 разд. I материал «Жизнь на тройку» (там же, 2002, 22 мая).
- ⁶ См. главу I раздела I, с. 71.
- ⁷ По мнению ряда независимых экспертов, приведенному в одной из киргизстанских газет, Киргизия входила во вторую группу постсоветских стран (после Балтии, где удельный вес негосударственного сектора превысил 60%) по степени радикальности и последовательности рыночных реформ. В результате к 1995 г. этот показатель достиг там 45%, начался рост ВВП, а инфляция снизилась до 2,5% в месяц. Россия (вместе с Узбекистаном, Казахстаном и Азербайджаном) характеризовалась как страна с непоследовательными, незавершенными реформами, где государственное регулирование охватывало важнейшие сектора хозяйственной жизни и к названному периоду еще не было остановлено сокращение ВВП (см.: Вести Иссык-Куля (газета). Бишкек, 1996, 18 июня).
- ⁸ Содержательный анализ киргизстанской переходной экономики до 1998 г., когда достигнутое в ходе реформ оказалось под угрозой из-за российского финансового кризиса, читатель найдет в статье Рафиза Абазова (*Abazov R.* Policy of Economic Transition in Kyrgyzstan // *Central Asian Survey*. L., 1999. Vol. 18. № 2). Киргизия рассматривается там в сравнительном контексте как лидер экономического реформаторства в Центральной Азии. Много дополнительных сведений можно найти в соответствующей главе страноведческого очерка Джона Андерсона, вышедшего в популярной серии «Post-Communist States and Nations» (*Anderson J.* Kyrgyzstan: Central Asia's Island for Democracy? Amsterdam, Harwood Academic Publishers, 1999. P. 65–84). На русском языке см.: *Волгина Н. А., Гафарлы М. С.* Киргизия. Сложности и противоречия перехода к современной рыночной экономике // Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения. Отв. ред. А. М. Васильев. М., 1998.
- ⁹ Они отнесены к разряду «*overachievers*» (из наиболее развитых стран постсоветского типа в эту группу попали лишь Польша и Эстония) и составляют разительный контраст с главными «отстающими» (*underachievers*) — Белоруссией и Туркменией. Подр. см.: *Norgaard O.* Economic Institutions and Democratic Reform. A Comparative Analysis of Post-Soviet Countries. Cheltenham, Edward Elgar Publishing Ltd., 2000. P. 179–183; 187–188; 196–199.
- ¹⁰ Уровень, близкий к полученному примерно в тот же период на других, более крупных выборках. В частности, по результатам обследования Галины Витковской в 1994–1995 гг., доля безработных среди русскоязычных была в Киргизии наиболее высокой

- (14,3% опрошенных) в сравнении с 8,1% для Узбекистана и 5,6% для Казахстана (см.: *Витковская Г. С.* Миграционное поведение нетитульного населения в странах Центральной Азии // *Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы.* М., 1996. С. 119).
- ¹¹ *Abazov R.* Policy of Economic Transition in Kyrgyzstan... P. 215; *Anderson J.* Kyrgyzstan: Central Asia's Island for Democracy?... P. 81.
- ¹² В 1998 г. «экономический» блок был расширен и включал, в частности, следующие открытые вопросы: «Кто Вы по профессии?»; «Чем Вы занимались в 1991 году?»; «Где и кем Вы работаете в настоящее время?»; «Меняли ли Вы место работы после 1991 года?» (закрытый) и, для ответивших «да», «Сколько раз и почему?».
- ¹³ *Иванов А.* Дом, а не зонтик над головой // *Россияне в Кыргызстане.* Бишкек, 1998. С. 167, 168.
- ¹⁴ Там же. С. 168–169.
- ¹⁵ По свидетельству одного из респондентов, работавшего в конце 1980-х гг. на столичном заводе «Физприбор» (где выпускались, кроме всего прочего, торпеды для подводных лодок и другое оборудование для ВМФ), его зарплата (как выпускника техникума) равнялась 400 руб., а более опытные квалифицированные рабочие получали по 500, 600 и даже 700 руб. в месяц (интервью состоялось в августе 1999 г.). При этом прекрасный, по его словам, комплексный обед в заводской столовой стоил всего 60 коп. Напомню читателям, что стандартная зарплата молодого специалиста с высшим образованием равнялась тогда в СССР 105 руб. (чтобы с годами вырасти до 120 руб.), а оклад кандидата наук с десятилетним научным стажем, на подготовку которого государство тратило средства в течение минимум 18 лет, не превышал 200 руб. А вот что рассказал другой мой собеседник (инженер проектного института) о том, как решалась тогда в его ведомстве острейшая для всей страны проблема жилья: «У нас очередь двигалась постоянно. К концу советского периода — последний дом сдали в мае 1991 г. — исчезла очередь, у нас получали квартиры молодые девчонки, которые проработали по два-три года» (сентябрь 1998 г.).
- ¹⁶ При ответах на вопрос «Довольны ли Вы той работой, которую сейчас имеете?» опция «затрудняюсь ответить» собрала весьма большой урожай (25,1% для остающихся и 20% для желающих уехать), что отражает сложность вопроса, в частности, наличие множества критериев «качества» рабочего места.
- ¹⁷ *Социально-экономическое развитие Кыргызской Республики, 1995–1999.* Бишкек, 2000. С. 1.
- ¹⁸ *Мониторинг бедности Кыргызской Республики, 1998.* (электронная версия). Табл. П Д.
- ¹⁹ *Anderson J.* Kyrgyzstan: Central Asia's Island for Democracy?... P. 81–83.
- ²⁰ *Ibid.* P. 82.
- ²¹ Подр. см. Введение, с. 48.
- ²² *Антология киргизской поэзии.* М., 1957. С. 147. Более пространные выдержки из этого стихотворения, выразительно рисующие инновационный вклад русских и других сельскохозяйственных народов в хозяйственное развитие относящейся сейчас к Киргизии части Семиречья, приведены в главе 2 разд. III.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ И ПУТЯХ СОЦИАЛЬНОГО ПРОДВИЖЕНИЯ

«Успешность» — критерии, трудности, результаты

Начиная с критериев, хочу сразу оспорить уже приводившуюся ранее оценку экономического положения и перспектив экономической интеграции киргизстанских «русских», высказанную «человеком оттуда»: «Остались в основном пожилые, старики либо семьи неимущие, которые не имеют ресурсов для переезда. Успешно интегрируются в новую среду лишь те, кто процветает в бизнесе. Но это мизерный процент»¹.

Нарисована, по сути, картина беспросветной маргинализации русскоязычного населения, с весьма некорректным в данном случае использованием «процветания в бизнесе» в качестве эталона успеха. Процветание (категория не научная и плохо поддающаяся операционализации), причем в бизнесе, деятельности в принципе рискованной — удел немногих даже в цивилизованных странах, не говоря уж о постсоветских обществах, где риски и порог неопределенности намного выше. «Успешность» в контексте экономической интеграции понимается нами поэтому гораздо шире: слишком уж подорванными оказались стартовые позиции жителей бывшего СССР в результате обвала прежнего экономического уклада; слишком нестабильны общества, в которых они живут.

Под «успехом» мы будем иметь в виду не «взлет» немногих «новых русских», а ликвидацию унижительной зависимости от дырявого бюджетного кармана и материализацию в приемлемом, по субъективной оценке, уровне жизни тех новых возможностей и свобод, которые предоставляет рынок. По этой логике, среди ключевых критериев подобной успешной интеграции — удовлетворенность человека имеющейся работой, материальным положением своей семьи; констатация улучшений в этой сфере в постсоветский период (или хотя бы сохранение прежнего статуса); оптимистическая оценка экономического будущего; характеристика своей жизни как «устроенной», «обустроенной» и т. п. Почти все это может быть проверено путем анкетного опроса, и, судя по полученным нами результатам (см. табл. 2 предыдущей главы), вряд ли резонно говорить о «мизерном проценте» успешно преодолевающих стихийные и рукотворные социально-экономические рифы и о доминировании среди русскоязычных Киргизии «неимущих семей».

Соответственно, восходящая статусная мобильность в подобных обстоятельствах — не только и не сколько продвижение по служебной

лестнице по образцу советских времен (слишком малы зарплаты и директора школы, и главного врача поликлиники), но и переход в негосударственный сектор, пусть и требующий зачастую резкой смены профессии, приобретения новых навыков и перестройки жизненных ориентиров.

Движение «социальных лифтов»: особенности Киргизии и России

Результативность усилий киргизстанских «русских» на поприще экономической интеграции в 1990-е гг. особенно заметна при сравнении с российской ситуацией. Речь идет о динамике социально-профессиональных статусов в двух странах, выявленной с помощью сравнительного анализа двух сопоставимых массивов эмпирических данных. С одной стороны, это опрос русскоязычных жителей Бишкека (конец 1996 г.). С другой — проведенное в июле 1997 г. при моем участии обследование условий жизни и правового сознания жителей среднего российского города² (опрос 900 жителей Рыбинска, Ярославская область, по репрезентативной выборке).

В Бишкеке, а затем в Рыбинске применялся, на мой взгляд, не вполне традиционный подход к изучению социальной мобильности. Многочисленные исследования данного явления в 1990-е гг. были нацелены либо на определение потенциала мобильности (через суждения респондентов о вероятном будущем своем и своих детей, о готовности сменить профессию и т. п.), либо, если выяснялись реальные перемены в жизни людей, им предлагалось «примерить» на себя ту или иную заданную социологом модель приспособительного поведения³.

Совместно с социологом Еленой Мезенцевой мной была предпринята попытка выявить картину мобильности, состоящую из суммы жизненных траекторий каждого респондента за период реформ *post factum*, а чтобы снизить неизбежную субъективность оценочных суждений людей, им были предложены открытые вопросы о том, кто они по профессии, где и кем работали в 1991 г. (последний год перед началом рыночных преобразований) и на момент обследования. Таким образом, основная работа по вынесению вердикта о динамике социально-профессионального статуса жителей Рыбинска была проделана самими исследователями посредством кодирования полученных данных.

В качестве восходящей мобильности рассматривался служебный рост в рамках прежней профессии (рода занятий), а в случае смены последних показателями «продвижения» служили три критерия: 1) новая работа более престижна; 2) перемены повлекли за собой существенный

рост квалификации; 3) заметно улучшилось материальное положение. По этим же критериям, но со знаком минус, «диагностировалась» и нисходящая мобильность. Естественно, неизбежным было появление усложненных и пограничных вариантов; предпочтение тому или иному критерию отдавалось в таких случаях на основе анализа дополнительной информации (об удовлетворенности имеющейся работой, о возрасте, образовании и др.). Были выделены также люди с прежним статусом (оставшиеся на тех же рабочих местах) и предпринявшие попытку найти новую сферу приложения своих сил, но без заметного изменения в статусе (горизонтальная мобильность). Позднее с помощью апробированной на рыбинском материале методики мной обрабатывались схожие данные о социально-профессиональных траекториях русскоязычных бишкекчан.

Сделаю еще два замечания, проясняющие процедуру подсчетов. Первое. В группу повысивших статус включались не только продвинувшиеся «вверх» в рамках прежней профессии или сменившие ее на более престижную и высокооплачиваемую в том же формальном секторе экономики (частном или государственном), но и те люди (впрочем, число их невелико в обоих случаях), которых можно классифицировать как «самозанятых». Это так называемая коммерция (уличная или рыночная «самостийная» торговля) или иные виды деятельности (ремонт машин, частный извоз, шитье на заказ, «неоформленные» бригады по ремонту квартир, строительству и т. п.). В литературе высказывалось мнение, что подобный тип мобильности ведет к примитивизации отраслевой структуры экономики и обусловлен кризисной установкой на выживаемость, а для конкретных людей означает потерю квалификации и перспективы служебного роста⁴. На мой же взгляд, в хаотичный период реформ подобные поведенческие стратегии можно считать своего рода социальным продвижением, поскольку они позволили многим людям избежать нищеты и унижительного ожидания подачек от государства, именуемых зарплатой⁵. Напомню, что во время первого президентства Бориса Ельцина в России постоянно нарастал кризис задолженности бюджетных выплат, достигший своей критической точки как раз к времени опроса в Рыбинске. В Киргизии подобные задержки, хотя и в менее вопиющей форме, сопровождали все 1990-е гг.

Второе. Поскольку в Бишкеке опрашивались, в соответствии с целями исследования, лишь трудоспособные в постстуденческом возрасте, из всех ответивших на блок «профессиональных» вопросов за 100% взяты респонденты, работающие на момент опроса, за вычетом безработных. Для Рыбинска база построена аналогично, но в категорию «работающих» включены и те, кто вошел в занятость в течение изучаемого временного горизонта.

Таблица 1

**Бишкек и Рыбинск: сравнительная социально-профессиональная мобильность
в постсоветский период, %**

Типы мобильности	Жители Бишкека, 1996 г.		
	Мужчины	Женщины	Всего
Повышение статуса	35,6	31,5	33,3
Понижение статуса	6,7	18,9	13,4
Прежнее состояние	42,3	42,5	42,5
Горизонтальная мобильность	15,4	7,1	10,8
Вход в занятость	—	—	—
Всего	100,0	100,0	100,0

Типы мобильности	Жители Рыбинска, 1997 г.		
	Мужчины	Женщины	Всего
Повышение статуса	16,1	9,7	12,6
Понижение статуса	3,6	3,5	3,5
Прежнее состояние	60,3	59,2	59,7
Горизонтальная мобильность	6,4	8,5	7,6
Вход в занятость	13,6	19,1	16,6
Всего	100,0	100,0	100,0

Как видно из табл. 1, на фоне откровенно застойного российско-го варианта, русскоязычные в Бишкеке продемонстрировали весьма энергичную и продуктивную мобильность: доля повысивших свой статус мужчин здесь в два, а женщин — более чем в три раза превосходит долю таких людей в Рыбинске. Соответственно, оставшихся на прежних позициях здесь не большинство, а лишь чуть более двух пятых. Рассмотрим кратко основные факторы, определившие данный формат мобильности, что поможет ярче высветить особенности киргизстанской ситуации.

1. **Столичный статус Бишкека**, при сопоставимых с Рыбинском размерах: соответственно, около 600 тыс. жителей (по официальным данным, без неучтенных мигрантов) и примерно 300 тыс. Тип поселения как фактор мобильности должен, видимо, рассматриваться не только в количественном (численность жителей), но в первую очередь

в качественном разрезе (развитость региона, его место в экономике страны). Столица, которая в наиболее бедных постсоветских государствах зачастую оказывалась главным центром притяжения людей и капиталов, средоточием материальных благ и возможностей, естественно, существенно выигрывает по сравнению с типичным городом провинциальной России.

2. Интенсивность реформ, делающая хозяйственную жизнь более активной, «кипучей», разнообразной, хотя Киргизия, как и почти все страны СНГ, не может похвастаться процветающей экономикой. Отсюда и риск потерь, но и возможность приобретений. В России же, если абстрагироваться от столиц и немногих промышленных зон, связанных с добычей природного сырья, движение «социальных лифтов» вверх блокируется не только массовой бедностью и неразвитостью у людей нужных психологических мотиваций, но также, видимо, отсутствием эффективного рыночного прессинга при вялотекущих реформах, в сочетании с амортизатором в виде традиций «огородного выживания». Аналогично, при слабо выраженной перетряске экономического организма пресловутые «лифты» (выражение Л. Беляевой⁶) не очень многих увозят и вниз (ср. показатели нисходящей мобильности в табл. 2).

3. Качество человеческого капитала, определяемое в первую очередь уровнем образования. Как известно, «европейский» слой в странах Центральной Азии формировался как «просвещенный» и социально привилегированный, занимающий наиболее высокие позиции в управленческой структуре общества. Соотношение сил между этносоциальными группами после распада СССР резко изменилось, а высокий образовательный уровень русскоязычных, в особенности городских жителей, остался (и, как мы увидим, до сих пор считается важным условием жизненного успеха). Среди опрошенных в Бишкеке 49,0% имели высшее образование (1,6% — незаконченное среднее; 9,9 — среднее; 32,6 — среднее специальное и 6,9% — незаконченное высшее)⁷. Картина, резко контрастирующая с Рыбинском, где среди респондентов трудоспособного возраста лишь 19,3% закончили вуз, а преобладали люди со средним специальным образованием (52,5%).

Можно предположить, что хороший образовательно-профессиональный потенциал русскоязычных способствовал не только активизации восходящей мобильности, но и в какой-то степени торможению горизонтальной: видимо, сложилась ситуация, когда предпочтительной (т. е. более выигрышной) стратегией стало инвестирование уже имеющихся знаний и навыков, нежели создание и накопление новых. В Рыбинске же близкие по значению низкие показатели горизонтальной мобильности объясняются, скорее всего, просто бедностью выбора — людям казалось, что лучше оставить всё как есть, чем менять «шило на мыло».

Таблица 2

**Предпочитаемые модели трудовой деятельности (Киргизия — Россия),
по различным группам населения (%)**

Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать?	Бишкек, 1998 г.					Рыбинск, 1997 г., N=900	
	всего N=325	желающие остаться N=187	желающие уехать N=105	муж-щины	жен-щины	муж-чины	жен-щины
Небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	47,1	46,7	54,3	38,5	54,3	55,5	68,7
Много работать и хорошо получать, пусть даже без гарантий на будущее	28,2	29,2	26,7	27,0	29,1	36,2	24,4
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	19,2	17,3	16,2	27,7	12,0	8,3	6,9
Затрудняюсь ответить	4,0	4,3	2,9	3,4	4,6	0,0	0,0
Другое	1,5	1,6	0,0	3,4	0,0	0,0	0,0
Нет ответа	0,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

4. Психологические установки среднеазиатских «русских», которые, из-за особенностей давней и недавней истории края, отличаются высокой активностью и ориентацией на собственные силы. Этот момент особо подчеркнул Владислав Потоцкий, рассказывая о становлении рынка в Киргизии (4.10.96):

«Отличительная черта местного русскоязычного населения — здесь русские более деятельные, чем в России. Они привыкли и раньше, при советской власти, быть более деятельными — это раз. То есть, от них самих зависело их собственное благополучие. Во-вторых, та часть государственных нахлебников, которые привыкли жить на государственную зарплату, дотации и пр., здесь, в Киргизстане, их гораздо меньше, чем в России. Например, рабочий класс: он не такой мощный, как в России. А ее опыт показывает, что рабочий класс уйти из-под государственной дотации не хочет и не может. Они бастуют, требуют оплаты, и всё. А нужен их труд или нет — это их не волнует. Здесь рабочие быстро побежали с заводов; заводы быстро остановились; тех, кто остался на заводах, достаточно мало. Да они и не надеются особенно на ту зарплату, которую им платят. То есть, подавляющее большинство рабочих, кроме основ-

ной работы, имеют так называемые шабашки. Сейчас рынок частный достаточно большой. Поэтому вживание в рыночную экономику здесь идет более активно, и меньше тех людей, которые составляют оппозицию этому рынку. Поэтому здесь сторонников коммунистической партии, этаких ярких зюгановцев, раз-два и обчелся. Те, кто был раньше в партаппарате, стали пенсионерами. А среди рабочих коммунисты и не пользовались и не пользуются авторитетом, в отличие, например, от России».

Двумя годами позже этот эксперт, имеющий большой опыт проведения социологических исследований в Киргизии, говорил о том, что налицо отмирание социального иждивенчества среди всех групп населения (23.09.98):

«В. П. *Самое главное — даже не ухудшение экономических условий, а осознание людьми, что, вообще-то говоря, лучше не будет. Это общее настроение, и поэтому люди начинают потихонечку патерналистские свои настроения менять, менталитет меняется. Если раньше государство — это всё, дай мне это, дай мне то, сейчас они нет...*

Н. К. *То есть они становятся более достигательными?*

В. П. *Да, уже надеются на себя; вот у нас есть в анкетах вопрос — “На кого Вы надеетесь?”*

Н. К. *Да, это известный вопрос... И как они... не на государство?*

В. П. *Да, ни в коем случае не на государство, как раньше в большинстве. Так, еще: “Что Вы предпочли бы — иметь собственное дело или работать по найму?”*

Н. К. *У меня тоже был такой вопрос...*

В. П. *Сейчас всё больше все-таки собственное дело хотят.*

Н. К. *А Вы опрашиваете представителей разных этнических групп? Я-то все-таки русскоязычных...*

В. П. *Репрезентативный по структуре населения Кыргызстана.*

Н. К. *И на юге тоже?*

В. П. *Конечно, всюду национальная выборка идет».*

О большей развитости так называемых достигательных установок у русскоязычных Киргизии, по сравнению с населением России, говорят и результаты двух почти синхронных опросов — в Бишкеке (сентябрь 1998 г.) и в Рыбинске (июнь 1997 г.), см. табл. 2.

Данные по Рыбинску, с поправкой на вялость протекания реформ в регионе Центральной России, хорошо корреспондируют с общероссийскими данными ВЦИОМ 1996 г. (вопрос звучал одинаково): гарантированную занятость и сопутствующие ей скромные социальные блага предпочли иметь около половины россиян; интенсивно трудиться в расчете только на свои силы — около 30%, а взяться за рискованный собственный бизнес были готовы всего 10% опрошенных⁸. По двум

массивам данных (табл. 1 и 2) заметны некоторое отставание женщин на поприще восходящей мобильности и их явно бóльшая склонность к существованию в условиях социальных гарантий и стабильности, что является, видимо, универсальной постсоветской закономерностью.

Обращает на себя внимание то, что среди «желающих уехать» несколько выше доля «патерналистов», что логически связано с выявленной ранее их менее успешной адаптацией. Но что касается предпочитаемых моделей именно «рыночного» поведения, различия между «остающимися» и думающими об отъезде практически незаметны, по контрасту с оценками реальной «устроенности». Это говорит, как минимум, о том, что считать всех представителей второй группы хуже подготовленными к жизни в условиях рынка (различия по уровню образования также незначительны) или особо социалистически мыслящими было бы упрощением (хотя, конечно, декларируемое и реальное поведение может разделять немалая дистанция). Скорее в данном случае мы имеем дело с людьми, не считающими возможным (или результативным) инвестировать свои усилия в освоение именно киргизстанской нивы. Характерно, что отвечая на вопрос «Хотели бы Вы открыть собственное дело, стать предпринимателем? (1998 г.), среди остающихся всего 2,2% выбрали опцию «да, но не в Киргизии», а среди нацеленных на выезд — 14,4%. Но какими сложными взаимозависимостями подобный настрой связан с «бытием» и «сознанием» последних — вопрос гораздо более сложный, требующий более тонкого анализа индивидуальных жизненных историй. Эта все та же проблема **избирательности реагирования** различных людей на вызовы и постсоветского, и национализирующегося государства, о которой не раз говорилось выше. Она проявляется и в интерпретации русскоязычными трудностей социального продвижения, к рассмотрению коих мы и переходим.

«Пятый пункт» и карьера

«Успешность» существенно зависит для русскоязычных от выбора ими сферы приложения сил. После распада СССР доступ к большинству «теплых мест» в государственном секторе (госаппарат, банки, налоговая, таможенная службы; правоохранительные, судебные органы и т. п.) для некиргизов стал сильно затрудненным. Кстати, поэтому необходимо, на мой взгляд, проводить различие между механизмами выхода русскоязычных из сфер привилегированной занятости, поголовно завязанной в советское время на государство (см. предыдущую главу), и тем, каким образом система заработала «на вход» в переходный период.

Говоря о возможностях продвижения, имеющихся у русскоязычных, эксперты четко разделяли различные сферы экономики. Вот, в частности, мнение журналиста и медиабизнесмена Виктора Запольского (10.10.96): «...уровень дискриминации все-таки остается, в смысле получения работы... ну, будем говорить так — не работы, а должности. В госсфере, там больше уклон делается на коренную национальность; все-таки начальников больше именно киргизов. А те, которые занимаются, скажем, бизнесом, ведут свободное экономическое плавание, те больше уйгуры, узбеки, русские, украинцы, и киргизы есть, естественно. Ну, а в официальной сфере все-таки предпочтение отдается именно людям, которые имеют соответствующее происхождение».

В более позднем интервью этот же эксперт попытался вникнуть в резоны официальной кадровой политики (9.09.96):

«В. З. *Вот я скажу, что у нас есть кадры такие, русские, которые в общем-то и в государственном аппарате, но я думаю, что там работают люди двуязычные, они знают и государственный язык, они великолепно говорят по-русски, а сейчас многие и по-английски неплохо говорят, три языка знают, это культурные люди... Ну хорошо, давайте вот будем говорить чисто поверхностно, что ли... Предположим, там не представлены русские, в аппарате, хотя это будет неправильно. Но давайте тогда подходить к русским с требованием тоже конституционным — а ты знаешь государственный язык? Я вот не знаю.*

Н. К. *Вы не знаете?*

В. З. *Да, я не знаю государственного языка, и я представляю себе на секунду — я работаю в Белом доме, меня посылают в командировку в Нарын, потому что там, скажем, население бунтует или... я пытаюсь с ними объясняться через переводчика... Нонсенс, правильно? Так что же мне там делать? А вот люди, которые знают государственный язык, там есть люди, которые там работают. А в бизнесе никому здесь не запрещено. Вот у нас как раз стопроцентная свобода. Я понимаю, для честолюбивых людей, которые хотят руководить чем-то там, достигнуть каких-то политических высот, может быть, и есть сложности, но ведь наша конституция не запрещает такому человеку по рождению... мы ведь не говорим, что президентом может быть киргиз; там написано, президентом может быть гражданин Киргизской Республики, проживший не менее... и владеющий государственным языком, теоретически может человек, если у него нормальная целеустремленность, то он может провести так выборную кампанию и стать президентом, если он владеет госязыком».*

Владислав Потоцкий более жестко провел границы между «дозванным» и «недозванным» для русскоязычных (4.10.96):

«В экономике сейчас киргизы нанимают русских, русские нанимают киргизов, если ты хорошо работаешь... В более высокой сфере экономики, в банках, например, поскольку они на коммерческой основе, то там тот же принцип работы. А вот налоговое дело, таможенная служба, поскольку это государственные органы, там национальный признак имеет большое значение. Национальный колорит, так сказать... То есть там, где государство, там и национальный признак, а где его нет, там и признака нет».

Неудивительно, что на уровне обыденного сознания реально существующие проблемы доступа к вознаграждаемой занятости, в первую очередь, в госсекторе, воспринимались русскоязычными сквозь призму пресловутого «национального колорита», рассматривались как ущемление по национальному признаку, а этничность, соответственно — как антиресурс (но безусловный ресурс для киргизов). Очень показательно в данной связи следующее: именно барьеры на пути профессионального продвижения и трудоустройства доминировали (на уровне 70%) в «расшифровках» примерно четверти респондентов, выбравших опцию «да» в вопросе об ущемлении и потом рассказавших о проявлениях последнего (небольшой остаток, если не считать обтекаемых, неконкретных формулировок типа «в жизни все бывает», поровну распределился между случаями бытового национализма и языковыми трудностями). Причем содержательных различий между «остающимися» и настроенными на отъезд оба опроса практически не зафиксировали, при очень существенной разнице между группами по частоте фиксации «ущемления» (см. главу 2 разд. I, табл. 9). Приведу некоторые из характерных формулировок:

- невозможность получения хорошей работы;
- продвижение по служебной лестнице;
- при устройстве на хорошо оплачиваемую работу и в госорганы;
- в росте квалификации;
- сейчас я просто таскаю мешки; я не могу устроиться в доходные места — в таможду, банк, в налоговую инспекцию;
- трудно устроиться по специальности;
- невозможность занимать руководящие посты в госучреждениях;
- на работу принимают предпочтительно киргизов;
- ведущие посты занимают коренные жители Киргизии, которые ничего не понимают в своем деле;
- они сейчас все начальники, а работают за них русские;
- отказ в приеме на работу;
- на госпредприятии отдают предпочтение национальным кадрам, квалификацией ниже;
- национальность не подходит иногда для работы, и т. п.

Казалось бы, ситуация ясна. Однако мне не хотелось бы на этом останавливаться, идя на поводу обыденного сознания или даже мнений экспертов, хотя и более посвященных, но предложивших в данном случае скорее описание положения дел, нежели его объяснительную модель. Попробую, не апеллируя к конституции, писаному, но реально не соблюдающемуся в постсоветских обществах закону, подкорректировать и представленное видение фактов, и их интерпретацию, чтобы этничность заняла в результате более адекватное ей место в системе «ресурс/блокатор» социального продвижения.

В качестве первого замечания хочу обратить внимание читателей на полученные в ходе опросов 1996 и в 1998 гг. ответы на вопрос об этнической принадлежности начальника респондентов. Людей некиргизской национальности, пожалуй, ничуть не реже можно было встретить на руководящих постах разного уровня, чем представителей титульной группы. В 1996 г. соотношение было примерно 1 : 1, а в 1998 г. из 116 респондентов-мужчин, давших ответ на этот вопрос, 40,5% работали под руководством киргизов, а 59,5% — людей других национальностей, преимущественно русских. Что касается опрошенных в 1998 г. работающих женщин, то в 51,2% случаев их начальником были русскоязычные, а в 48,8% — киргизы. Причем, что очень важно, многие начальники-некиргизы работали в государственных учреждениях.

Эти данные, правда, ничего не говорят о ранге упомянутых респондентами руководителей и о том, занимали они то или иное кресло еще с советских времен или сели в него уже в период резких кадровых перемен — посему будем считать их просто срезом реальности на определенный момент времени, но срезом, на мой взгляд, заслуживающим внимания. Хотя стремление киргизов «ходить с папкой и в шляпе» вошло в бесчисленные анекдоты в качестве черты их национального характера, не переоцениваются ли успехи официальной политики «окиргизивания» руководящих кадров, пусть не на самых высоких этажах властной пирамиды?

Второе. Значимость этничности как фактора продвижения в условиях взаимодействия титульного большинства с постимперскими меньшинствами, когда роль иных ресурсов — в восприятии людей — неизбежно уходит в тень, небезынтересно сравнить с ситуацией моноэтничности, при которой национальная принадлежность вообще не является ресурсом. На эту мысль меня навело общение с одной из респонденток — поучаствовав в опросе, она выразила согласие встретиться со мной для более подробной беседы. Именно она, вынужденная «таскать мешки», т. е. торговать на рынке, объяснила в анкете свое чувство национальной ущемленности невозможностью получить в Киргизии «доходное место» (см. выше). Она же, обсуждая этот сюжет, многозначительно и мечтательно заметила: «В России ведь все по-дру-

гому...». Действительно, в России (за исключением территории некоторых автономий), эта женщина обычной славянской наружности вряд ли бы вызвала у кого-то желание поинтересоваться ее национальностью, в том числе и при приеме на работу. Но зададимся вопросом: велики ли шансы женщины за сорок, со средним техническим образованием, всю жизнь проработавшей на производстве и имеющей за плечами лишь трехмесячные бухгалтерские курсы, даже коренной россиянки (о переселенцах я не заикаюсь — им палки в колеса ставят все кому не лень), устроиться просто так, «с улицы», на вожделенные хлебные места — таможня, налоговая, банки... Таких женщин у нас сотни тысяч, и именно они оказались среди первых жертв рыночных реформ... В описанной ситуации во весь рост встает значимость фактора денег и в особенности связей, с которыми мы неминуемо встретимся при дальнейшем анализе, поскольку Киргизия в этом отношении мало отличается от России.

И, в продолжение, третий момент. Обратимся к принципиально важному, на мой взгляд, отрывку из интервью с Замирой Сыдыковой (18.10.96), рассказывающей, как становятся «большими людьми» в Киргизии:

«З. С. Давайте посмотрим элиту. Ну, я ее побольше знаю, могу что-то сказать... Ну, госслужба... Значит, если дают здесь должности русским, то не потому, что там учитывается фактор, ну, какой-то там, я не знаю, чтобы поддержать русскоязычное население, качественный состав правительства, чтоб русские женщины были или еще что-то... Нет, не поэтому. Это здесь, еще старые какие-то связи, еще партийные. Какие-то еще, личные, может быть... какие-то финансовые общи, я не знаю... Это первое, да.

Н. К. *А не дают? По национальным соображениям?*

З. С. *Нет, не по национальным. Тоже... не дают, потому что на эти места они видят кого-то другого... они бы ему и дали, но просто там то ли родственник, то ли какой-то другой интерес перевесил... Я просто знаю людей, по которым я могу так судить...*

Н. К. *Понятно...*

З. С. *Или какая-то личная неприязнь давняя была с чем-то связана... Второй слой — это предприниматели, да? Вот здесь, значит, тоже, если у них есть здесь крыша, грубо говоря, в лице какого-то банкира, или министра, или еще кого-то, кто поддерживает их бизнес, то они работают, и работают успешно. Если только... если нет крыши и если нет еще чего-то, то и киргизы здесь неспособны поднять никакой бизнес...*

Н. К. *То есть крыша нужна...*

З. С. *Крыша нужна вне зависимости от национальности. То есть если они здесь не находят крышу, им мешают, мешают, мешают, и потом они в конечном итоге уезжают или разоряются, сворачивают всё...*

Н. К. *А кто мешает? Рэкет, налоговая инспекция...*

З. С. *Всем мешают одни и те же люди... Взятки берут со всех одинаково, всех одинаково обходят налоговики, без проблем... Если у них есть возможность вовремя отстегивать, грубо говоря, то они работают. Если нет...*

Н. К. *Понятно, возможности кем-то прикрыться...*

З. С. *Да. Что касается вот депутатов, кстати, они же предприниматели... Я скажу Вам, что в этот парламент [речь идет о выборах 1995 г. — Н. К.] прошли депутаты, не имеющие никакого политического веса в своей среде... не прошел Вишневский, не прошел, как его, нет, не помню... ну ладно... то есть они не прошли, хотя у них и платформы были, они выдвигались от “Согласия” или от “Славянского Фонда”; казалось, они должны были пройти... потому что не прошли никто вообще, порядочные, нормальные люди не прошли... прошли только те, кто мог заплатить деньги... Вот Воробьев один из них.*

Н. К. *Он мог быть кем угодно?*

З. С. *Да, он просто заплатил больше денег.*

Н. К. *То есть Вы хотите сказать, что тут не было игры как-то задержать русскоязычное население, чтобы оно не прошло в парламент...*

З. С. *Нет, никто не играл... даже определенная часть оппозиции прошла, довольно сильная, потому что не контролировались вот эти выборы, потому что они не могли контролироваться, иначе, возможно, могли быть гражданские столкновения...*

Н. К. *А подтасовки, фальсификации?*

З. С. *Подтасовки, фальсификации, покупались все члены избирательных участков...*

Н. К. *Чисто денежные отношения?*

З. С. *Да, да, да...*

Н. К. *Поэтому оппозиция смогла тоже что-то себе купить?*

З. С. *Да, оппозиция смогла тоже что-то себе урвать... предприниматели, рэкет... Если посмотреть качественный состав парламента, это видно...*

Н. К. *Но тогда получается, что если практически туда русские не попали, вообще, по Бишкеку никто не попал, то не значит ли это, что позиции русских предпринимателей слабые, им нечем заплатить? Как Вы считаете? Мы о крупном и среднем говорим... Вот Воробьев один... Он является исключением, как Вы считаете?*

З. С. *Лишь в какой-то мере, он просто вырвался вперед раньше всех... Но есть часть предпринимателей, я Вам скажу, работают с Германией, работают с Россией, во всяких там СП, они работают себе и не хотят идти в парламент; они остались, чтобы работать...*

Н. К. *То есть на своих связях?*

З. С. *Да, да».*

В последней части диалога с З. Сыдыковой «высветилась» значимость этнического ресурса при доступе в вождельный для тех, кто стремится стать самым «сильным мира сего» в постсоветских «демократиях», орган высшей законодательной власти (дающий, кроме всего прочего, и юридическую неприкосновенность). Действительно, чем выше ставки — тем выше требования к претендентам. Но не менее важно и другое.

Рассуждения эксперта показывают, как суживаются наши познавательные возможности при стандартных попытках рассматривать проблемы русскоязычных **в отрыве не только от общих закономерностей постсоветских трансформаций, но и от их конкретно-страновых воплощений**. Здесь намечены контуры системы, охватывающей все сферы социальной жизнедеятельности и обеспечивающей пропуск на верхние этажи общественной иерархии лишь людей с особыми качествами, опытом и ресурсами. «Настроена» ли эта система **прицельно** на отсев «русских» или, шире, некиргизов? Думаю, что нет, хотя последние нередко становятся ее невольными жертвами, не желая играть по заданным правилам и/или не владея (в достаточной степени) некоторыми ключевыми рычагами воздействия на ситуацию в условиях тотальной коррумпированности и значимости разнообразных неформальных отношений, начиная от общности финансовых интересов, номенклатурного прошлого и пр. до схождения/несхождения характеров.

В числе важных рычагов — не упомянутые З. Сыдыковой клановость и регионализм (локализм), пронизывающие все поры киргизстанского общества и ставящие под удар «системы» и киргизов, не принадлежащих к клану, нужному в данном месте и в нужное время. Видимо, не в последнюю очередь с этим обстоятельством связано неодобрительное отношение многих киргизов к клановому делению (хотя по логике отношение к «кормящей руке» должно быть иным)⁹.

Крайний случай невключенности в «систему», видимо, редкий, но высвечивающий значимость более рутинных ситуаций, был описан в 1992 г. в одной из бишкекских газет под броским названием «Я киргиз, хочу в Россию!». По мнению героя очерка, он не сможет получить землю в рамках предназначенного для киргизов Национального земельного фонда (законодательная инициатива, «похороненная» Аскарком Акаевым): «У меня нет надежного тыла. А ныне в республике, особенно в сельской местности, всем правят не столько президент и правительство, сколько местная верхушка, а точнее — кланы. А мой клан как бы растворился среди других. Его как бы вообще не стало. Мы как бы обречены на “принеси-подай”, на второстепенность. Нам уже не подняться»¹⁰.

Еще одна потенциально уязвимая, с точки зрения получения «должностей», часть титульной группы, ситуации вокруг которой мы касались в главе о языке (разд. I) — городские киргизы, плохо владеющие государственным языком, особенно литературным.

Мы не ставим своей целью специальный разбор всех перипетий формирования механизмов доступа/отчуждения от власти в постсоветской Киргизии. Сошлюсь на содержательный политологический очерк Юджина Хаски (*Eugene Huskey*), в котором анализируются, в частности, события вокруг президентских и парламентских выборов 1995 г. (именно о последних и рассказывала З. Сыдыкова). Это был тот критический для новейшей истории Киргизии период, когда А. Акаев, не в силах противодействовать перманентно ухудшавшейся экономической ситуации, давлению представлявших законодательную власть региональных элит и растущей словно снежный ком коррупции, «начал разочаровываться в демократических инструментах регулирования парламентской жизни... и предпринял авторитарное наступление»¹¹. В итоге, хотя второй раунд выборов в переходных обществах часто становится решающим для укрепления демократии, «в Киргизии выборы в парламент 1995 г., если и стали знаковыми, то лишь для роста криминализации и регионализации политической жизни»¹² — тенденция, достигшая своего пика к середине текущего десятилетия.

Хочу обратить внимание на следующий показательный момент, демонстрирующий в действии механизмы вхождения в высшие коридоры власти, принципиально не отличающиеся от путей к успеху в бизнесе. Предпринятые президентом шаги в поисках союзников и более сговорчивого парламента — реформы выборной системы и местного управления (переход к назначению глав администраций разных уровней) дали еще более сильный толчок местничеству и изоциренному подкупу избирателей; в результате представительство политических партий, женщин и этнических меньшинств в новом парламенте резко сократилось, в пользу регионально-клановых группировок¹³.

Думая о том, как «система» отсеивает или пропускает «русских», мы должны учитывать фактор их привыкания, приспособляемости к условиям, диктуемым социальной средой. Вот рассуждения бизнесмена средней руки (интервью в августе 1999 г.) в ответ на мой вопрос о том, ожидает ли он изменение предпринимательского климата в стране после возможного ухода с поста А. Акаева:

«Л. Я считаю, что на Акаеве особо ничего не висит, просто у нас специфическая страна, где есть свой удельный князь; ну, придет другой удельный князь. Поставит свой клан во главе всех этих самых ведомств, будет он с нас денежку собирать... И в России то же самое происходит, там только не клановая система, а семейная...

Н. Семья, как ее у нас называют. С большой буквы...

Л. Знакомо... Воровали и всегда будут воровать, и власть менялась, и меняется, и ничего в этом страшного нет. Ну придет один дурак, ну уйдет, другой придет... Я не думаю, что что-то в этом будет такое... И вообще я не верю, что сегодня можно прикрыть, например, вернуться к старому, все закрыть, все запретить, не может быть такого...».

В восприятии обычных людей, оценивающих факторы социального успеха со своих, т. е. более скромных позиций, картина вырисовывается сходная с той, которую мы сейчас анализируем (см. табл. 3). **Главное, что движет окружающим их миром, по мнению респондентов — деньги и знакомства с нужными людьми** (соответственно, 57,5 и 56,0% ответов). Желаящие остаться и думающие о миграции в данном отношении выступили вполне единодушно, как, впрочем, и жители провинциальной России¹⁴. Лишь третьим по частоте, причем с заметным отрывом (32,6%), идет этнический ресурс, т. е. «пятый пункт», но этот показатель уже скрывает значительный, более чем в два раза, разрыв между двумя группами опрошенных. Ответы «остающихся» еще сильнее смещены в сторону неэтнического восприятия: самую большую роль, после «денег» и «связей», они отводили «хорошему образованию» (32,1% против 20% для желающих уехать). Немалое значение, в отличие от последних, «остающиеся» придавали также знанию киргизского языка, что логически вытекает из их интеграционных намерений.

Интересно, что никто из 32 человек, выбравших опцию «другое» (почти все они были намерены остаться в Киргизии), не указал на обстоятельства, связанные с этничностью; напротив, речь шла преимущественно о наиболее востребованных в рыночной экономике умениях и способностях:

- *главное — желание работать;*
- *иметь голову на плечах;*
- *быть профессионалом в своем деле;*
- *быть умным, хватким;*
- *иметь способность адаптироваться, быстро реагировать на происходящее;*
- *умение работать на конечный результат;*
- *знать много языков, и т. п.*

Интересным дополнением к киргизстанскому материалу служат представления о социальной стратификации в Казахстане и Латвии (1996 г.), выявленные в рамках исследования группы ученых под руководством Пола Колсто (*Pål Kolstø*)¹⁵. Респонденты разных национальностей выбирали из предложенного списка качества, которые, по их мнению, были существенными условиями успеха в их странах.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, нужно иметь и уметь в Киргизии, чтобы пробиться вверх по имущественной и социальной лестнице?» (1998 г.; %) *

Варианты ответа	В целом по массиву опрошенных N=325	Желающие остаться N=187	Желающие уехать N=105
1. Иметь знакомых, родственников среди начальства	(II) 56,0	(II) 55,1	(I) 58,1
2. Быть по национальности киргизом	(III) 32,6	(IV) 23,0	(III) 50,5
3. Иметь хорошее образование	(IV) 27,7	(III) 32,1	(V) 20,0
4. Уметь давать взятки	4,9	4,8	5,7
5. Иметь много денег	(I) 57,5	(I) 59,9	(II) 57,1
6. Принадлежать к определенному киргизскому роду	17,2	13,9	(IV) 23,8
7. Иметь собственность (землю, дом)	11,4	11,2	10,5
8. Хорошо знать киргизский язык	(V) 18,2	(V) 20,9	9,5
9. Иметь связи в криминальных кругах	5,8	4,3	8,6
10. Иметь «денежную» профессию	16,2	16,6	16,2
11. Другое	8,6	11,2	2,9

* Сумма не равна 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько ответов (максимум три).

К сожалению, разбивка по этническим группам в данном случае авторами не приводится, но стремление респондентов опереться главным образом на материальный и человеческий капитал налицо. Опросы выявили четкий водораздел между двумя группами категорий — 1) важными для достижения успеха: собственность и доходы; образование; индивидуальные качества; профессия (частота выбора от 47 до 57% в Казахстане и от 37 до 40% в Латвии) и 2) мало существенными в данном контексте: пол, религиозная и этническая принадлежность. Так, последнюю сочли важной 13,3% респондентов в первой стране и 17,5% — во второй¹⁶.

Интервью с «успешными» русскоязычными киргизстанцами подтверждают, а в чем-то дополняют и проясняют закономерности социального продвижения, выявленные в ходе количественных исследований и бесед с экспертами.

«Успех» сквозь призму профессиональных биографий

Целевая группа «успешных адаптантов», как и возвратные мигранты, подбиралась «по цепочкам», с помощью знакомых, девушек-интервьюеров, экспертов. Некоторые приняли участие в анкетном опросе и согласились встретиться еще раз; на одного человека я вышла без посредников, по газетной рекламе, а еще с одним познакомилась во время поездки в такси (он занимался частным извозом). Основных критерия было три — отсутствие миграционных намерений, удовлетворенность жизнью (и заработками), а также занятость в негосударственном секторе.

Намечу кратко профессиональные траектории этой группы, состоящей из восьми мужчин и семи женщин в возрасте от 27 до 60 лет (средний возраст — 38 лет), преимущественно с высшим (11 человек), а остальные — со средним специальным образованием. Итак, если не считать различные «пробы пера» и «скоки вбок», имевшиеся у некоторых в профессиональной биографии, магистральные траектории продвижения в постсоветский период («было» — «стало») сводятся к следующим двум вариантам.

К первому относятся: 1) врач-невропатолог в бюджетном учреждении ⇒ врач, ведущий частную практику; 2) экономист на производстве ⇒ финансовый аналитик в частном банке; 3) инженер-проектировщик в крупном НИИ союзного подчинения ⇒ та же сфера деятельности в частном проектном бюро; 4) выпускник техникума, электрик на предприятии ВПК ⇒ слесарь-ремонтник в автосервисе (совместное предприятие); 5) рабочий-строитель ⇒ работа на «хозяина» в составе импровизированной строительной бригады; 6) медсестра в поликлинике ⇒ косметолог-массажистка в салоне красоты; 7) логопед-дефектолог в специализированном детском саду ⇒ логопед в частной школе; 8) инженер-технолог швейного производства, главный инженер крупной государственной фирмы по пошиву одежды ⇒ директор акционированного ателье класса люкс в центре города; 9) финансист по профессии, бухгалтер на госпредприятии ⇒ совладелица кафе и торгового бизнеса; 10) инженер-технолог в проектном институте ⇒ хозяйка салона по прокату свадебных нарядов (формально на пенсии).

Второй вариант представлен таким набором: 1) сурдопедагог (работа с глухими детьми), специализированный детский сад ⇒ диспетчер в крупном агентстве по продаже недвижимости; 2) зооинженер, кандидат наук, сотрудник проектного института союзного подчинения ⇒ переводчица в иностранной фирме; 3) историк (археолог) ⇒ ведущий специальных музыкальных программ на частной радиостанции; 4) инженер на предприятии ВПК ⇒ владелец книготорговой (книгоизда-

тельской) фирмы; 5) выпускник техникума, рабочий на заводе ⇒ семейная бригада по ремонту и отделке элитного жилья плюс частный извоз.

Как мы видим, собственно предпринимателей, имеющих свое дело, в группе немного, а преобладают наемные работники, что отражает универсальную структуру занятости в рыночных условиях. Попали туда и «вольные стрелки» — это либо самозанятость (ремонт), либо работа на «хозяина» на основе неформальных договоренностей.

Если смотреть на конечную точку, т. е. на результат, членов группы объединяет уровень доходов достаточно скромный — по меркам постсоветской роскоши и расточительства, но в разы отличающийся от зарплат в бюджетном секторе. Хотя не все захотели назвать точные цифры, давая словесные оценки, в среднем речь шла о 150–200 долл. в месяц. У переводчицы начальной ставкой, впоследствии увеличенной, было 300 долл., что ее очень поразило (интервью 1998 г.):

«М. С самого начала было триста. Я думала вначале, что это триста сомов, это было больше моей зарплаты. А потом оказалось, что это доллары!»

Н. Да, я представляю Ваши чувства!

М. Ну, я сделала вид, что так и должно быть...».

По мнению «таксиста», для которого частный извоз являлся дополнительным источником дохода, «бедные здесь — это те, кто не хочет вкалывать» (1998 г.). Он рассказал, что его главное занятие, на пару с братом — ремонт квартир и особняков представителей «верхушки» (из материала заказчика); при работе не в полную силу в месяц всегда «набегает» около 300 долл., а если поднапрячься — до 500 долл.

Диспетчер на телефоне в риэлторской фирме так рассказывала о своей прежней работе в детском саду (интервью 1999 г.):

«Ушла со скандалом — я себя ценю больше, чем на 10 долл. в месяц. Государственный сад, таких всего два в городе, интернатного типа, и холодно, и голодно, и черви в супе. Реально зарплата была 200 сомов, оклад 300, минус питание, налоги...».

На новом месте девушка получала фиксированную зарплату в 500 сомов, но вдобавок к тому премию от каждой проданной с ее помощью квартиры; в результате, проработав полтора года, она смогла оплатить две трети стоимости своего собственного однокомнатного жилья (остальное добавили родители).

Наиболее скромными на фоне остальных членов группы были доходы логопеда в частной школе (интервью 1999 г.): твердая ставка воспитателя для группы малышей (1000 сомов) плюс нештатные занятия с детьми, нуждающимися в логопедической помощи (ставка 150 сомов

в час, с отстеживанием процента школе за аренду помещения). Но и это впечатляет в сравнении с зарплатами в бюджетном секторе (детский сад, школа, поликлиника — от 300 до 500 сомов).

Необходимо учитывать, что интервью проходили осенью 1998 г. и потом осенью же 1999 г. — это критический период, за время которого под влиянием российского кризиса сом упал по отношению к доллару примерно в два раза (1 : 20 ⇒ 1 : 40). В результате обесценились зарплаты тех, кто получал их в местной валюте, но одновременно поднялись и цены на услуги и товары, реализуемые частным сектором, что в какой-то мере компенсировало потери занятых в нем работников. Логопеды стали больше брать с родителей, таксисты — с пассажиров, строители — с заказчиков, врачи — с пациентов, и т. д. Ставки же оплаты труда бюджетников, пенсии, иные социальные пособия индексировались, как это было и в России, крайне медленно.

Мои собеседники считали свой уровень благосостояния вполне приемлемым, тем более в условиях окружающей их экономической нестабильности, хотя некоторые сопровождали свой рассказ «философскими» замечаниями типа: «человек никогда не бывает доволен», «всех денег все равно не заработаешь», «денег много не бывает» и т. п. В ответ на просьбу оценить свое положение на шкале обеспеченности, они либо сразу относили себя к «среднему классу», «средней группе» или выбирали этот вариант из предложенных мной уровней: «богатые», «средние» и «бедные». Вот некоторые из более пространственных оценок.

Директор ателье, приватизированного трудовым коллективом (1998 г.):

«В. Что бедные, я, естественно, не могу сказать; наверное, к среднему; заработная плата у меня неплохая, дочь работает тоже... [о доходах директора можно судить по названным ею ставкам рядовых сотрудников: «начинающие — 600–700 сомов; в среднем тысяча, тысяча двести, некоторые зарабатывают и две с половиной, и три с половиной»].

Н. Вы довольны своей жизнью?

В. Да, на все хватает...

Н. А таких, Вы считаете, много? Я не беру высший уровень, владельцев банков и пр., их я не беру...

В. Их единицы и я с ними не сталкиваюсь; я общаюсь только со своими коллегами, и в общем-то они все на моем уровне, кто-то лучше, кто-то хуже в каком-то плане... В принципе, нам на все хватает».

Переводчица в фирме (1998 г.):

«Н. А Вы сейчас как свой уровень материальный оцениваете, устройство жизни? Я не имею в виду цифры, просто субъективная оценка. К какой категории Вы себя относите?»

К. Наверное, можно к среднему классу... Но я ведь не плачу налогов, это же не хорошо, правильно? Продержусь я еще сколько-то, детей вытянуть, а там... [респондентка была разведена, с двумя детьми. — Н. К.]
 В общем, мы можем жить более-менее, ни на кого не заглядываться.

Н. А на какие-то мощные траты нужны еще вливания извне?

К. Не обязательно, я могу еще переводов набрать.

Н. А на питание у вас уходит какая доля бюджета? Ну, на питание и одежду?

К. На одежду больше, конечно. Одеваться-то надо прилично».

Сотрудник частной радиостанции (1998 г.):

Н. А теперь, насколько возможно, о финансовой стороне... Вы удовлетворены состоянием дел?

О. Хорошему нет предела, но в принципе... На это уже можно жить вполне, хотя у меня жена не работает, и ребенок...

Н. Это не значит — только хорошо питаться?

О. Нет, не только».

Член «неформальной» строительной бригады (1999 г.):

Н. А зарплата Вас устраивает?

А. Конечно. Без задержек. Зарплата и аванс.

Н. А жена у Вас работает?

А. На «Физприборе».

Н. Там очень плохо?

А. Раньше было плохо, сейчас за последний год у них наладилось.

Н. Они числятся в отпусках?

А. Нет, они работают и получают зарплату. Раньше очень тяжело им было...

Н. А сколько сейчас там платят?

А. У нее оклад 600. В диспетчерской.

Н. Но это, наверное, меньшая часть бюджета, вы могли бы обойтись?

А. Ну, конечно, все лежит на мне».

А теперь посмотрим на траектории движения, на тип мобильности и ключевые ресурсы, сделавшие ее возможной. Первый тип, как можно понять при внимательном чтении списка, представлен людьми, сумевшими перейти в сектор более вознаграждаемой и престижной занятости без резкой профессиональной ломки, на основе уже приобретенного багажа знаний, опыта, связей и пр. Это, конечно, не значит, что все произошло легко, без усилий и потерь.

Наиболее благополучной выглядит лишь история женщины — специалиста в области пошива одежды, проработавшей последние

десять лет перед распадом СССР на высокой должности главного инженера крупной фирмы, объединявшей несколько десятков столичных ателье; она даже выдвигалась на должность замминистра бытового обслуживания. Когда после известных событий фирма распалась, по совету «очень прогрессивного» директора она вместе с работниками одного из ателье оформила его переход в собственность коллектива, уже в 1992 г., и стала избранным руководителем.

Остальным пришлось пройти через конвульсии умирающих союзных структур, с реорганизациями, перекидыванием из одного ведомства в другое, сокращением госзаказа и, соответственно, зарплаты (одна из таких историй была воссоздана в предыдущей главе); в самых уязвимых бюджетных учреждениях (школах, детских садах, районных поликлиниках) просто перестали платить. Кое-кто предпринял резкие шаги. Один из респондентов (строитель) попробовал, но неудачно, искать счастья в России; двое сумели повысить и несколько модернизировать свою квалификацию, что и позволило им потом найти работу в частном секторе (экономист получил грант на бизнес-стажировку на Западе; медсестра, оказавшись в России по семейным делам, окончила престижные курсы медицинского массажа). У многих начались поиски всяческих подработок и/или источника стабильного дохода, индивидуально или в рамках расширявшейся в начале 1990-х гг. кооперативной деятельности, но, что характерно, практически без выхода за рамки прежней профессии. Во многом, судя по материалам интервью, это объяснялось верой в то, что плоды их труда будут востребованы, а уверенность, в свою очередь, базировалась не только на знании конъюнктуры, но и на высокой квалификации, опытности в своем деле в сочетании с равнодушным к нему отношением:

— *я в общем-то жила этими ателье, и у меня даже мысли не было, чтобы куда-то где-то переехать; на нашу услугу спрос большой; пошить сейчас в городе очень тяжело; те, что есть, они не занимаются индивидуальным пошивом одежды; у нас и посольства обслуживаются, и правительство...* (директор ателье);

— *а если эта частная школа разорится, буду опять частно работать; такие дети всегда будут* (логопед);

— *вот это самое главное, почему я говорю — бизнес как образ жизни. Я этой работой живу. Если бы ее не было, я бы вообще, наверное, умерла, честное слово. Потому что я общаюсь с людьми, ко мне счастливые люди приходят... и когда это дорогое платье даешь... все плохо живут, я говорю, хорошо, я вам уступаю. И вижу, когда счастливые лица, когда и дешево, и хорошо... это так же, как аптека, как магазин — это всегда будет нужно* (хозяйка салона по прокату свадебной одежды).

«Н. А можно делать систему водоснабжения частных особняков?

С. Нет, это мелочь. Этим я даже не занимаюсь. Я занимаюсь именно городскими сетями. Необходимость очень большая, это бесконечная работа... и потом это работа государственная.

Н. То есть Вас еще и эмоциональный аспект привлекает, не только деньги?

С. Конечно, конечно. Я всегда относился к этому ревностно, и для меня всегда итоги были важны» (из интервью с инженером-проектировщиком).

Профессионализм и интерес к своему делу — важные слагаемые социального продвижения в любом обществе, но специфика исследуемой ситуации состоит в сцепке данных факторов с наличием «связей», **т. е. неформальных сетей поддержки и обмена информацией**. Это возвращает нас к результату, полученному с помощью анкетного опроса (напомню, связи и хорошее образование назывались среди основных условий «успеха», см. табл. 3), но конкретные истории дают возможность увидеть и новые грани их взаимодействия, и то, как они «работают».

Ориентация не столько на индивидуальные усилия и индивидуальный успех, сколько на членство в группе, считающей человека «своим», вообще является одной из важных черт традиционной культуры (ее вариантом была советская культура, а отчасти остается и постсоветская). При господствующем во многих странах бывшего СССР правовом беспределе, который отдается в головах рядовых граждан правовым нигилизмом; при росте экономических и социальных рисков на вышних этапах социальной иерархии и непреходящей актуальности проблемы выживания на нижних уровнях, значение разного рода «связей» (*network capital*) возрастает, а их содержание усложняется и модифицируется. Этот процесс, весьма актуальный с точки зрения становления государств бывшего СССР как гражданских обществ, постоянно является объектом пристального внимания ученых (в первую очередь, на примере России). Не углубляясь в эту огромную тему, замечу только, что разного рода связи, или, как их обычно называли мои респонденты, знакомства, многократно и в разных контекстах упоминались ими в интервью как средство решения разнообразных жизненных проблем — от мелких бытовых до судьбоносных. Мы же сейчас имеем в виду нечто специфическое, отличное от прямолинейных и лежащих на поверхности механизмов типа: «надо иметь знакомых, родственников среди начальства» и им подобных, рассчитанных на решение проблемы в обход формальных процедур (в частности, при невозможности заплатить или получить желаемое за деньги) и обычно индифферентных к реальным достоинствам просителя, претендента и т. п.

Речь идет о механизме «успеха», основанном на членстве, не всегда осознаваемом, в своего рода клубе профессионалов, не обязательно являющимся группой повседневного общения; о некой неформальной кадровой базе данных, сведения о которой циркулируют в среде потенциальных работников, нанимателей и клиентов. Этот механизм действует и при подборе партнеров по бизнесу или по совместной неформальной трудовой деятельности, а также при получении хорошей работы, поиске клиентов, заказчиков или, наоборот, при выборе последними тех, кто сможет в наилучшей степени удовлетворить их требованиям. Хорошее образование, профессионализм и опыт работы здесь являются важнейшими условиями пропуска в «клуб». Вот как описал ситуацию врач, активно занимающийся частной практикой и наряду с этим коммерческой деятельностью (1998 г.):

«В. Основной ресурс — профессиональные знания, даже не диплом. Практика показала, что все, кто при диком капитализме как-то выскочили, но не взяли профессионалов — они все в своем бизнесе пошли на понижение.

Н. А если профессиональный багаж скромный, связи уже не очень помогают?

В. Естественно, так как мало мест. Вот, возьми дочку, но куда?»

А теперь предоставим слово респондентам, рассказывающим о поворотных точках своей карьеры и, по сути, о том, как работает вышеописанный механизм продвижения.

Инженер, специалист в области водоснабжения:

«С. Мы, по разным институтам, мы все друг друга знали. Велась общая политика, были одни нормы... и потом, вот Вы спрашивали, как все устроилось... не сколько я искал, сколько нашли меня. Не буду хвалиться, но я себя считаю проектировщиком. На таком уровне, как я, сейчас в городе человек пять, и мы все друг друга знаем.

Н. То есть это круг профессиональных...

С. Да, круг профессиональных связей. Мы общаемся, встречаемся, это люди на уровне начальников отделов, главных специалистов... И работы, и опыт. Ко мне если обращаются, то за делом. И вот так получилось, мне сделали предложение. Это было в 1996 г., была создана частная фирма, из бывших ребят в Гипроводхозе, очень талантливые ребята...».

Рассказ строителя о поисках хорошей работы после возвращения из России, где он трудился в бригаде переселенцев из Киргизии:

«А. Да, на пустое место получилось приехал. Ну, я взял газету, посмотрел, требуются строители. Позвонил. Ты где работал? В Туле. У кого? А такого, такого знаешь начальника? Конечно, знаю. Ты чего, у него работал? Я говорю — да. Приходи, ты нам нужен. Пришел, позна-

комился...И я у них начал работать. Но потом не очень меня устроило, текучка большая, и вот звонит мне один киргиз, я долго с ним работал... И говорит: "Ты что, приехал?" "Да". "Вот так и так, работа есть для тебя. Есть дом такой-то, приходи, посмотришь".

Н. Как это было организовано? Тоже что-то частное?

А. Ну, тоже он сам нашел, он уже был непосредственно связан с заказчиком, деньги получал он и отдавал нам, каждому по труду и по его способностям.

Н. И Вас это устраивало?

А. Ну, на первых порах да, а потом... <неразб.> этот хозяин, которому мы строили дом, увидел или заметил меня и говорит: "Хочешь работать у меня?"

Н. Личный дом? Он такой богатый?

А. Ну, сидит на базаре, ездит в Китай... С высшим образованием, такой толковый мужчина, бывший военный...

Н. Русский?

А. Русский. У него два человека работало, один киргиз, другой русский. И мы стали втроем работать. Ну, а дальше, там я своих уже стал подтягивать...

Н. Дом уже построен?

А. Еще нет, мы его до сих пор строим.

Н. Это прямо дворец какой-то?

А. Да, трехэтажный дом, гараж, сауна...

Н. То есть он практически отказался от услуг той команды, которая начинала строить?

А. Да. Его это не устраивало.

Н. А что будет, когда это кончится? Думаете, он Вам что-нибудь предложит?

А. Думаю, да [со смехом].

Н. И Вы с ним в нормальных отношениях?

А. Даже не в нормальных, а в дружеских. Он с нами делится, бывает что-то в семье... Они переросли в чисто дружеские.

Н. И Вы прямо стопроцентно на этого хозяина? А вдруг у него хуже пойдут дела? То есть Вы не чувствуете необходимости себе что-то подыскать?

А. Нет, пока нет. Все устраивает. А там, я думаю, три головы все равно что-нибудь придумают.

Н. Идея объединиться и сделать бригаду самостоятельно?

А. Да, я знаю многих ребят, которые так работают. Работали сообща, потом разбежались, потом опять сплотились и сейчас работают...

Н. Речь идет о том, чтобы предлагать свои услуги богатым заказчикам?

А. Да, еще... допустим, приехали к нему, очень часто приезжают, смотрят, как это сделано. Кто сделал? И эти же люди, они сами нас находят. Мы не будем их искать, они сами нас найдут».

Респондентка рассказывает, как устроилась на работу ее мать, технолог швейного производства:

«По объявлению в газете, но когда она пришла... она все-таки такая, у нее опыт, знания, нашелся кто-то, кто сказал: “Я Вас знаю, я видел Вашу работу в ателье...”. Ее с руками и ногами брали, знали, что она человек пашущий, что она может...».

Ведущий музыкальных программ на частной радиостанции:

«О. Я помотался, больше года помотался, пришлось и на рынке поторговать всякой ерундой... Это был период абсолютного безденежья... Что-то брал, сам никуда не ездил, не всерьез, просто чтобы перебиться; просто были еще друзья, что-нибудь купишь, продашь, жить на это можно...

Н. И Вы прямо стояли на рынке?

О. Да, вплоть до этого... понял, что это абсолютно не мое... и потом в один определенный момент, мой один хороший знакомый возглавлял маленькую радиокomпанию, предложил мне...

Н. Эту?

О. Еще нет.

Н. Частную?

О. Да, частную. Он предложил мне пойти поработать у него; просто для души можешь, и я тебе даже платить буду немножко... а потом буквально через день он мне звонит опять и говорит — слушай, а я тебе ставку пробил, хочешь....

Н. Слово “пробил” как-то очень плохо сочетается с частной деятельностью...

О. Оказывается, как потом выяснилось, он убрал одного человека, а меня взял на его место.

Н. Он не был владельцем?

О. Нет, он был исполнительным директором.

Н. Это была дружеская связь?

О. Это была дружеская связь, но, но он просто почувствовал мой профессионализм... Но потом пришлось уйти оттуда. Я поработал еще на другой фирме...

Н. Тоже радио?

О. Да, точно такой же, это была абсолютно новая, которую мы строили с самого начала.

Н. А как Вы ее искали?

О. Это опять-таки круг людей один и тот же, которые все это делают.

Н. *То есть не надо искать. как это называется, круг тесен, да?*

О. *Это такая узкая профессиональная среда, в ней все друг друга знают. Буквально недавно от нас ушел один человек, со мной в паре..., и сегодня вышел в эфир на другой радиостанции.*

Н. *То есть сколько Вы сменили компаний?*

О. *Три.*

Н. *Вот эта третья? А Вас пригласили? Вы не искали?*

О. *Я не искал... приехали и попросили с этой работы — ты уйдешь к нам?*

Н. *А, в таком плане.... То есть сманили... А какого рейтинга эта компания среди имеющих, как Вы считаете?*

О. *Эта? Самый высокий.*

Н. *А еще много?*

О. *Да, много, с десятков».*

Врач-невропатолог:

«Я вообще не рекламируюсь, все по личным связям, по цепочке. Меняю места работы, что забрать себе всех клиентов и потом получить новых».

Информант, занимающийся отделкой богатых квартир:

«Н. *А конкуренции Вы не боитесь? Трудно искать заказы?*

И. *Я думаю, это никогда не кончится, нас заказчики так и передают друг другу от одного к другому».*

Респондентка рассказывает, как получил работу ее муж; благодаря этому предложению семье удалось вернуться из России обратно в Бишкек (1999 г.):

«З. *Мужа одноклассник, он женился в свое время на немке, киргиз, он уехал в Германию, потом начал здесь какие-то дела делать, открыл свою фирму. Они торговали, кафель немецкий, линолеум, и строительством занимались...*

Н. *А этот киргиз остался владельцем этой фирмы?*

З. *Он же в Германии сам, приезжает сюда два раза в год примерно...*

Н. *А Ваш муж... он был просто тем, кого наняли?*

З. *Этому киргизу нужен был человек, которому можно просто доверять, психологически, и у которого голова на месте, то есть что он не развалит все. Я вообще поняла, самая главная проблема для многих — найти кадры, это очень сложно... Но они вместе работали... потом они перерегистрировались, и муж стал совладельцем фирмы».*

В наборе рассмотренных ключевых ресурсов этничность если и занимает какое-то место, то явно второстепенное. Когда по рассказам некоторых респондентов и прослеживается однородность круга «своих»

(русскоязычные, «европейцы»), то это связано с исторически сложившимся разделением труда (раз раньше в проектном деле, геологических изысканиях и пр. были заняты в основном русскоязычные, то «клуб» за их счет и формируется). В иных случаях, как видно из приведенных отрывков, в «игре» участвуют и киргизы, удовлетворяющие общим требованиям (надежность, квалификация и пр.). Интересно, что похожий вывод о характере неформальных связей при социальном продвижении был сделан Игорем Савиным на примере Казахстана (интервью с представителями «русской» элиты). Он, в частности, пишет: «Что касается сетей взаимной поддержки между предприятиями и банками или между различными предприятиями на основе этничности их директоров, управляющих и пр., то таких случаев отмечено не было». Одной из причин И. Савин считает то, что «путь к руководству для каждого русского — путь индивидуального роста, с опорой только на ресурсы своего ближайшего окружения (давние коллеги, друзья, сокурсники и т. д.), которое часто полиэтнично»¹⁷. Полагаю, я смогла добавить к этому важному выводу заслуживающие внимания уточнения (речь идет не просто о «ближнем окружении», а о более сложном и широком сетевом механизме продвижения).

Эффективность перечисленных факторов восходящей мобильности (человеческий и социальный капитал) усиливается узостью социально-профессионального пространства, что в Киргизии связано с небольшими размерами страны, а также (более универсальная ситуация) — с поредением рядов «спецов» в результате миграций первой половины 1990-х гг. и сужением рядов потенциальных членов описанного «клуба» до средних возрастных когорт. Оставшиеся в стране представители более старших поколений за время после 1991 г. постепенно вышли из сферы занятости, а траектории продвижения молодежи, получавшей образование уже в новых условиях, возможно, подчиняются иным закономерностям, что требует специального, прицельного изучения.

Трудности молодежи, в сравнении с уже рассмотренным типом восходящей мобильности, видны на примере самой молодой представительницы из группы «успешных» (27 лет на момент интервью). Сурдопедагог по специальности, она закончила вуз в 1996 г., недолго поработала в специализированном детском саду, ушла из-за очень низкой зарплаты, плохих условий труда и оказалась не у дел. Пробовала одно, другое, в итоге обратилась к газетным объявлениям и круто поменяла сферу приложения своих сил. Очень жалела о потерянной профессии: «Я педагог до корней, дети мне снятся...». Когда я спросила, почему она не решилась пройти небольшую переподготовку на логопеда и хорошо зарабатывать (памятуя о том, сколько моих собственных денег перетекло в свое время в карманы этих врачей при

лечении собственного ребенка), она ответила, что не получилось: «Везде нужен опыт, везде нужен стаж». В силу возраста она еще не успела набрать необходимый профессиональный «вес» и влиться в сообщество «своих».

Этот пример обращает наши взоры к меньшей части целевой группы, на чем мы и завершим анализ деловых биографий. Она представлена людьми, которые не смогли (не сочли возможным) остаться в профессии, убедившись в бесперспективности данного пути. Формально их тип мобильности можно отнести к горизонтальной — переходу к принципиально иным видам и формам трудовой деятельности на основе освоения новых знаний, приобретения новых ресурсов и пр. Однако это не совсем так. По сути, речь идет об обновлении и приспособлении к новым нуждам накопленного ранее, но не задействованного в целях выживания и продвижения ресурсного «багажа». Были осмотрены, фигурально выражаясь, все шкафы и сундуки, стерта пыль с забытых талантов и умений.

Сотрудница идущего ко дну проектного института «...вдруг вспомнила, что училась в английской школе, и стала отвечать на объявления...»; рабочий на предприятии ВПК, еще в советское время набивший руку на ремонте квартир в качестве «шабашки», понял, что появляется все больше людей, готовых хорошо оплачивать такие услуги. Были «раскручены» давние увлечения молодости, как оказалось, способные стать основой собственного бизнеса или продуктивной занятости.

Рассказывает в прошлом археолог, перешедший на радио:

«О. Вот как это все получилось. Я с детства коллекционировал с самого раннего все подряд; потом уже, в более зрелом возрасте, в школе, я увлекся сильно рок-музыкой западной. Я начал коллекционировать все это, собирал пластинки; у меня было прекрасно с английским языком, я занимал первые места на олимпиадах, с английским то есть все нормально. И исходя из таких вещей и из того, что я довольно много накопил по библиотекам и в Москве и в Питере, я занимался не только чисто научной работой, но и смотрел прессу, делал ксероксы интересных вещей...»

Н. То есть это хобби на хорошем уровне?

О. Да, такое профессиональное хобби... у меня были публикации на самые разные темы. Вот исходя из всего этого ребята, которые тоже думали, что они что-то знают профессионально в этих вопросах, когда они поговорили со мной, они поняли, что это уровень совершенно другой, хотя это полностью самообразование, полностью... и я никогда не пользовался советскими источниками. Я сам начал заниматься переводом текста, и историческими делами заниматься, то есть я фактически постепенно становился историком рок-музыки. И вот из-за этого меня и пригласили сделать цикл передач на радио.

Н. *И это оказалось не временное... А у Вас все-таки привязанность к археологии была?*

О. *Уже тогда не было. Фактически нет. Она была душевно, а по-настоящему просто не получалось... И так я там и остался, потому что должность, на которую я пошел, я фактически стал музыкальным редактором с самыми разными полномочиями и обязанностями».*

Вспоминает владелец книгоиздательской фирмы, в прошлом инженер, заместитель начальника цеха:

«Л. *Где-то с полгода я не работал, искал свое дело...*

Н. *А какие-то планы были? Обзванивали знакомых?*

Л. *Нет, сидел, думал... смотрел, ходил, думал, занимался чем-то... В те времена была куча всяких диких проектов и предложений, куча всяких диких тем... В общем, пытался найти что-то свое. И занялся книгами. Это было мое давнее хобби, я этим занимаюсь где-то с 11 лет...*

Н. *Вы имеете виду — собрание домашней библиотеки?*

Л. *Да, всю свою сознательную жизнь я разбирался в книгах, стал специалистом, еще в советские времена, когда все было запрещено, всякие рынки, продажи, обмены...».*

Первоначальное отсутствие нужных связей, ставших не предпосылкой (одной из), а уже результатом движения по новому пути (см., например, отрывок из беседы с музыкальным редактором), компенсировалось у этой группы, как показывают интервью, повышенной активностью и готовностью пробовать себя в самых разных ипостасях. Пружинной данного типа мобильности также является движение вверх, хотя и несколько иным, кружным путем и с несколько иным набором ресурсов. Кстати, в данном отношении биографии хорошо коррелируют с результатами количественного исследования, которое выявило некоторую заторможенность горизонтальной мобильности русскоязычных Бишкека за счет предпочтительной опоры на уже имеющийся «капитал».

Штрихи к портрету «русского бизнеса»

В заключение — несколько наблюдений и соображений, касающихся того полуживого незнакомца или даже вообще фантома, коим представляется российскому экспертному сообществу «русский бизнес» в странах ближнего зарубежья. Из-за отсутствия систематических знаний о предмете эти соображения носят характер рабочих гипотез и, хочется надеяться, послужат стимулом к его углубленному изучению в будущем.

Сразу уточню, что говорим мы не об олигархах, а о самой широкой части пирамиды — среднем и в особенности малом бизнесе. Конечно, «хозяевами» крупного дела удастся стать немногим, таковы законы предпринимательской деятельности, тем более в условиях дикого постсоветского рынка. Например, по оценке информанта из правоохранительных структур, в Бишкеке в конце 1990-х гг. работало всего около сотни «крепких» бизнесменов, и «русских» среди них — около трети (3.09.99). По словам Виктора Запольского, соотношение среди «заметных» предпринимателей, занимающихся в том числе и производством, примерно 50 на 50 (10.10.96). Аналогичное мнение высказал респондент из группы «успешных», слесарь на СТО, где обслуживались иномарки: судя по владельцам приличных машин, соотношение обеспеченных «европейцев» и киргизов примерно одинаковое (осень 1999 г.).

Для определения, хотя бы приблизительно, этнической структуры действующего в Бишкеке малого бизнеса, в 1999 г. мной был проведен нехитрый эксперимент. По газетной рекламе были отобраны случайным образом 50 столичных фирм, предоставляющих населению различные услуги, требующие наличия производственных помещений и оборудования (ремонт бытовой техники и квартир; строительство, изготовление мебели и пр.). Их обзвонила моя очень коммуникабельная ассистентка, представившись ищущей работу. По результатам состоявшихся неформальных бесед с персоналом этих фирм выяснилось, что 29 из них оказались «русскими» и по национальности владельца, и по преобладающей этнической принадлежности работников.

От развитости частного сектора зависит и наличие там рабочих мест. В связи с этим хочу возразить Сергею Савоскуле. Комментируя одну из моих ранее опубликованных работ, где делается вывод об уходе части русскоязычных «в настоящий “организованный” бизнес», он пишет: «Оптимизм автора [то есть мой. — *Н. К.*] по этому поводу не вполне обоснован». Ответный «пессимизм» С. Савоскула базируется, в частности, на том, что «эта группа вряд ли составляет и $1/10$ всего занятого русского населения Бишкека»¹⁸. Приводятся относящиеся к 1996 г. данные киргизстанского социолога Галины Горборуковой, на мой взгляд, некритично воспринятые автором: «...основная часть русских в Бишкеке (59% опрошенных) была занята на предприятиях и учреждениях государственного сектора; занятые в сфере частотного предпринимательства составили гораздо меньшую долю — 10% опрошенных»¹⁹. Возникает вопрос: а чем занимались остальные 30%? Кроме того, мы не знаем, как звучали вопросы и каким образом респонденты интерпретировали понятие «частное предпринимательство» в контексте своей занятости. Это затрудняет оценку результатов анкетного исследования, да еще сопровождаемого столь скудной информацией.

Далее, меня бы больше убедили и «симметричные» данные о структуре занятости титульной группы — о том, что их мало в госучреждениях и, к примеру, по контрасту с русскими, 30 или 40% в частной сфере. Но, предвижу, что доля киргизов в госсекторе не может быть низкой, ведь именно он оказался главной ареной перераспределения рабочих мест.

И, наконец, мои цифры представляются более реалистичными именно из-за методики — респонденты, как уже говорилось выше, просто описывали в анкете характер своей деятельности, называли место своей работы, не задумываясь о том, к какому сектору экономики ее следует отнести, и оставляли эту функцию мне. В итоге, по данным 1998 г., среди работающих мужчин всего в частном секторе, в качестве наемного персонала и, реже, «хозяев», были заняты 42%, а в «организованном» (банки, фирмы, различные производства, авторемонтные мастерские, торговые и строительные предприятия, частные школы и пр.) — 26%; среди женщин, соответственно, 35 и 20%.

Интересно посмотреть на разделение экономического пространства между титульной группой и русскоязычными с другой стороны, скорее качественной, нежели структурно-количественной. Есть ли у последних свои ниши в рамках негосударственного сектора экономики; а если да, были ли они «отвоеваны» в ходе конкурентной борьбы или складываются более органичным, естественным путем, исходя из принципа: «кто что лучше умеет, кто что может предложить?». Безусловно, этот вопрос требует специальных исследований, с разработанной для данного случая методологией, однако наблюдения и информация, почерпнутая из интервью (рассказывая о своей карьере, мои «успешные» собеседники нередко касались и общей ситуации в своей «отрасли»), свидетельствует скорее в пользу второго варианта. В частности, просматриваются три ниши преимущественно русскоязычной деловой активности (на примере Бишкека).

В первой основной упор делается на использовании «старых», т. е. сложившихся еще в советское время профессиональных специализаций (работа с машинами, механизмами, эксплуатация технических знаний и навыков), но в обновленном варианте: продажа, ремонт и обслуживание компьютерной и сложной бытовой техники; автосервис; строительство и ремонт квартир (зданий); геологическая разведка, проектно-изыскательское дело и т. п.

Вторая ниша представлена видами деятельности, основанными на знании и активном использовании русского языка в качестве ключевого инструмента: частные школы и детские сады; репетиторство; услуги врачей-логопедов; книжная торговля и книгоиздание; частные радиостанции.

Наконец, в-третьих, речь идет о рынке услуг, являющихся в определенном смысле элитарными, предметом спроса обеспеченных групп

населения, а среди киргизов — наиболее европеизированных, полагающихся на «традиционные» умения «русских» как гарантию качества и вкуса (в этом смысле данная специализация смыкается с первой): пошив дорогой, модной одежды; салоны свадебных нарядов; разведение породистых сторожевых собак, ветеринарные услуги и пр.

А как обстоят дела с участием «русских» в торговле, ставшей в постсоветских условиях важнейшим средством выживания, а для многих — и обогащения? Мнения экспертов на сей счет разделились. В. Потоцкий подчеркнул актуальность чисто экономической составляющей (4.10.96):

«По национальному признаку сфера мелкой и средней торговой деятельности не конкурирует сейчас, сугубо по экономическому признаку конкурирует. У кого есть деньги, кто удачливее, кто нашел нишу какую-то товарную удачную, и т. д. На первых этапах, скажем так, были попытки национальный колорит придать коммерческой деятельности: если руководителем становился киргиз, то, как правило, киргизов к себе и подгрехал. Но ситуация такая: это было хорошо, когда ты был в бюджетной организации, поэтому ты мог это сделать, а здесь бизнес, изви-ни, диктует, привлекать ли родственников. И жизнь очень быстро, где-то года за два, научила этому».

Похожую точку зрения высказала Айнура Элебаева в ответ на мой вопрос о существовании конкуренции между киргизами и русскоязычными в сфере мелкой торговли, челночного бизнеса (2.10.96):

«На уровне коллективного принадлежности к какой-то этнической группе — нет. Эта сфера слишком подвержена стихийным воздействиям — удача, неудача, кто-то подвел из партнеров и т. д.».

По мнению Арона Брудного (7.10.96), «в торговле русские играют определенную роль, они активные челноки, участники производства. Торговля здесь, как положено по классике, по Кейнсу, по Марксу, достаточно интернациональна».

Иначе интерпретировали ситуацию Валерий Вишневецкий (15.10.96):

«На сегодняшний день, к сожалению, условия для нетитульных здесь тяжелые... Возможности заниматься здесь бизнесом... Есть рэкет, рэкет в основном национальный, когда человек приходит на рынок продать продукцию, выращенную собственным трудом. Отнимают просто по дешевой цене... правоохранительным органам это известно, это не только русские, это узбеки...»,

а также эксперт из правоохранительных структур (7.10.96):

«Средняя и мелкая торговля, а особенно оптовая, оккупирована киргизами. Особенно это заметно по приезжающим из сел. В одном месте купят подешевле, а потом продадут подороже. Раньше на рынках было

много узбеков, теперь же их туда торговать практически не пускают, всё сразу оптом с машин скупают киргизы. А в мафиозных структурах есть люди разных национальностей, и в большом бизнесе так же, там нет борьбы национальностей, а есть борьба капиталов».

Я полагаю, различия в позициях проистекают во многом из-за того, что эксперты говорили о разных видах торговли. Действительно, тут необходим дифференцированный подход, плюс к тому учитывающий динамику ситуации.

«Негатив» в оценках связан в основном с торговлей плодами земли и, значит, касается главным образом русскоязычных, проживающих в сельской местности, а их меньшинство. Но даже им (см. очерк иссык-кульской сельской экономики) жизнь предлагает набор вариантов, и обращение к киргизам-перекупщикам (при желании продать фрукты, картошку и пр. внутри страны) не является, как свидетельствуют мои исследования, безальтернативным. Активно используются и каналы переброски товара в Россию и Казахстан; те, кто имеет возможность, делает это своими силами, иные обращаются к «поливальщикам», местным или приезжим, а это те же перекупщики и вряд ли альтруисты, но, поскольку они русские, казахи, дунгане и др., их не обвиняют в целенаправленной «этнической эксплуатации».

Посмотрим теперь на торговлю «тряпками», т. е. выросший в первые постсоветские годы из острейшего товарного дефицита (в том числе и в России) «челночный бизнес». По мере наполнения и даже перенасыщения прилавков, появления более цивилизованных и упорядоченных видов этой деятельности (сетевые торговые дома, специализированные фирмы), здесь, как мне представляется, сработал естественный рыночный отбор. Большинство тех, кто бросился зарабатывать на жизнь импровизированным «челночеством», взятием товаров «под реализацию», торговлей с лотков и т. п. (этим пытались в сложной ситуации поправить свои дела и многие из моих респондентов), «вышли» из этой сферы по мере обретения почвы под ногами либо приторговывают лишь время от времени, в качестве дополнительного заработка. В ряды же профессионалов выбились немногие, и они создали достаточно устойчивый и доходный бизнес (вспомним, например, «хозяина», на которого работал один из целевой группы «успешных», строитель; см. также электронное послание Игоря в «Мартовских письмах» Приложения).

Отсюда, на мой взгляд, будет не совсем правильным рассматривать торговлю как основную, притом безальтернативную и долгосрочную стратегию «успеха» для русскоязычных горожан трудоспособного возраста, активно использующих, как мы видели, иные находящиеся у них в распоряжении ресурсы — человеческий (образо-

вание, квалификация) и социальный капитал (особый тип связей и сетей), а отсутствие доминирования в этом секторе, соответственно, как их социальный проигрыш. Видимо, не является случайным, что в двух наших выборках назвавших «коммерцию» в качестве основного источника дохода было совсем немного (около 5–7%). Сказанное относится к малому и среднему торговому бизнесу, т. е. к самостоятельной предпринимательской деятельности. Это не исключает рыночных подработок, особенно для пенсионеров (так, например, среди продавцов газет в Бишкеке немало пожилых «русских» женщин) и занятости русскоязычных в торговых предприятиях уровня юридического лица в качестве наемных работников.

И последнее замечание, навеянное наблюдениями за деловыми практиками русскоязычных Киргизии. Обращают на себя внимание заметные различия между характером экономической деятельности иммигрантских меньшинств в развитых странах, формирующих там свои диаспоры, и пространственно-содержательными формами деловой активности «русского бизнеса» в Центральной Азии.

Во-первых, представители пришлых групп вынуждены были приспособливаться к писаным и негласным нормам принимающего государства, готового впускать мигрантов лишь для реализации определенных функций (начиная от восстановления разрушенного войной хозяйства в Европе 1950–1960-х гг. до заполнения непрестижных, требующих низкой квалификации рабочих мест в более поздний период). Подобная сегрегация сохраняется там до сих пор, в то время как раздел рыночного экономического пространства между постимперскими меньшинствами и титульными группами и формирование особых ниш (в той мере, в какой они существуют) происходил во многом стихийно, на основе коренящихся в давнем и недавнем прошлом моделей социально-профессиональной специализации.

Во-вторых, в деятельности «русскоязычного бизнеса» отсутствует характерный для иммигрантских сообществ «этнографический компонент», эксплуатирующий привлекательную для местных жителей этнокультурную самобытность группы (национальные рестораны, сувенирные лавки и т. п.), а также близкие по содержанию виды рыночной активности, обслуживающие нужды самой «диаспоры» («свои» магазины, школы, ремесленные мастерские, рынки, учреждения традиционной медицины и пр.).

Соответственно, в третьих, связи последней с родиной, т. е. с отпускающей страной, многообразны по содержанию (от воплощающих культурно-религиозное единство на уровне индивида, семьи и общины до политических и материальных), а также симметричны по своей направленности: группа принимает финансовые и товарные потоки с родины, питающие ее экономическую активность, и отдает ресурсы

обратно в виде перечислений мигрантами заработанных средств своим семьям и иным локальным общностям. В нашем же случае связи «русского бизнеса» с «родиной» носят или персонализированный, или сугубо рациональный характер, что в обоих случаях подразумевает наличие других страновых альтернатив (родственники могут помогать, даже если они не в России, а сделка с российскими партнерами не является априори наиболее выгодной).

Лучшему пониманию особенностей становления «русского бизнеса» в новых независимых государствах могут помочь и иные аналитические параллели, в частности, с «русскими диаспорами» постсоветского времени в дальнем зарубежье и сообществами «титовых» мигрантов из бывших республик в России — с группами, предпринимательская активность которых, возможно, соединяет в себе черты двух только что рассмотренных моделей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из выступления киргизстанского исследователя Григория Пядухова на семинаре в Московском центре Карнеги в 1997 г. См.: Социально-политическая ситуация и положение новых диаспор в Казахстане и Киргизии: взгляд отсюда. Библиотека Центра, SM-Mig/97–2. С. 14.

² Обследование было частью научного проекта «Права женщин в России: реальная практика соблюдения и массовое сознание», осуществленного в 1996–1998 гг. Московским центром гендерных исследований при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАктуров.

³ См., напр.: Динамика ценностей населения реформируемой России. Отв. ред. Н. И. Лапин и Л. А. Беляева. М., 1996. С. 111–113, 128–129; *Левада Ю.* Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. М., 1997. № 2. С. 13–14.

⁴ Динамика ценностей населения реформируемой России... С. 110.

⁵ Тут уместно привести отрывок из интервью с бишкекчанкой, рассказывающей о своих поездках по России «с большой сумкой» китайских и турецких товаров в начале 1990-х гг. (октябрь 1996 г.):

«Н. И Вы там торговали и жили там?»

Т. Конечно, мы там месяц проводили. Снимали квартиру... и таким образом я выжила. Н. Это было достаточно выгодно?»

Т. Да, по тем временам... вот у меня сейчас многие знакомые с высшим образованием, инженера, врачи, до сих мотаются, и это прекрасно... они говорят, Таня, не стоит ездить где-то по автобусам, отсиживать время, не получать зарплату, когда ты можешь работать на себя».

⁶ Динамика ценностей населения реформируемой России... С. 111.

⁷ Для сравнения: по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Киргизии доля городских русских старше 15 лет с образованием выше среднего достигала 40% (в целом для русских киргизстанцев — 36%). См.: *Zevelev I.* Russia and Its New Diasporas. Wash., United States Institute of Peace Research, 2001. P. 110.

⁸ См.: *Хибовская Е.* Трудовая мотивация и занятость // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения...1996. № 4. С. 34.

- ⁹ По общестрановому опросу 2001 г., 61,9% киргизов полагают, что кланы приносят больше вреда, чем пользы: в Бишкеке — 64,7%, в Чуйской и Таласской областях — 71,3; в Нарынской и Иссык-Кульской областях — 76,8% и, менее всего (54,0%) на юге, выходящй с которого в советское время и в период президентства А. Акаева считали себя особо обделенными властью и привилегиями (см.: *Faranda R., Nolle D. B. Ethnic Social Distance in Kyrgyzstan: Evidence From the Nationwide Opinion Survey // Nationalities Papers. L., 2003. Vol. 31. № 2. P. 191*).
- ¹⁰ Славянские вести (газета). Бишкек, 1992. № 8.
- ¹¹ *Huskey E. Kyrgyzstan: the Fate of Political Liberalization // Conflict, Cleavage and Change in Central Asia and the Caucasus. Ed. by K. Dawisha & B. Parrot. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. P. 257.*
- ¹² *Ibid. P. 265.*
- ¹³ Подр. см.: *ibid. P. 259–266.*
- ¹⁴ По данным рыбинского опроса, к самым «успешным» (в наибольшей степени защищенным) категориям российского населения респонденты отнесли «людей с деньгами» и «людей со связями» (подр. см.: *Мезенцева Е. Б., Космарская Н. П. Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России. Социология. Этнология. М., 1998. № 3. С. 156–158*).
- ¹⁵ Работа на основана на результатах трех репрезентативных опросов титульного и нетитульного населения различных частей Латвии (1995 г., 1563 человека; 1997 г., 1000 человек) и Казахстана (1996 г., 1000 человек). Подробнее о методологии исследования см.: *Malkova I., Kolsto P., Melberg H. O. Attitudinal and Linguistic Integration in Kazakstan and Latvia // Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies. An Investigation of Latvia and Kazakstan. Ed. by P. Kolsto. Boulder, Westview Press, 1999. P. 275–280.*
- ¹⁶ *Ibid. P. 233.*
- ¹⁷ *Савин И. Русская идентичность как социальный ресурс в современном Казахстане // Диаспоры. М., 2003. № 4. С. 91.*
- ¹⁸ *Савоскул С. С. Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М., 2001. С. 360.*
- ¹⁹ Там же. С. 403. Цит. по: *Горборукова Г. Некоторые механизмы формирования социальной структуры русской диаспоры (по данным социологического обследования) // Реформы в Кыргызстане: социально-экономический аспект. Бишкек, 1997. С. 61.*